

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

К. Носиловъ.

НА ДИКОМЪ СѢВЕРѢ.

Первый сборникъ разсказовъ.

Яхурбетъ, Птичій островъ, Дѣ-
душка — Вогуль и его внуки.

МОСКВА.

Типо-литогрaфiя Русскаго Товарищества печатн. и издатец. дѣла.
Чистыя пруды, Мыльникова пер., соб. домъ.

Книгоиздательство Д. И. Тихомирова.

Москва, Большая Молчаповка, д. № 24

ОТДѢЛЕНІЯ СКЛАДА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ книжномъ складѣ Бр. Башмаковыхъ, *Итальянская*
ВЪ КАЗАНИ, въ книжномъ магазинѣ Бр. Башмаковыхъ. ВЪ ТОМСКѢ, въ книжномъ магазинѣ П. И. Манушина. ВЪ ИРКУТСКѢ, въ книжномъ магазинѣ П. И. Манушина и Посохина. ВЪ КИЕВѢ, въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова. ВЪ ОДЕССѢ, въ книжномъ магазинѣ И. А. Розова. ВЪ ВИДНѢ, въ книжномъ магазинѣ А. Г. Сырина. ВЪ ВОРОНЕЖѢ, въ книжномъ магазинѣ М. И. Агафонова. ВЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВѢ, въ книжномъ магазинѣ И. В. Шаферманъ.

НОСИЛОВЪ К. П. Въ снѣгахъ. Очерки и рассказы. Ц. 60 к.
4-е изданіе.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. книга ОДОБРЕНА для ученич. младш. возр. библиотекъ средн. и низш. учебныхъ заведеній и ДОПУЩЕНА въ безплатныя читальни. (Отношеніе № 13103, отъ 9 мая 1900 г.). ОДОБРЕНА для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Гл. Упр. Военно-Учебн. завед. книга РЕКОМЕНДОВАНА для приобрѣтенія въ библиотекѣ кад. корпус. для чтенія кад. 1 и II классовъ. (Пед. Сб. № 7, 1901 г.)

ЕГО ЖЕ. На охотѣ. Галейко. Изъ жизни киргизовъ. Пасха среди самоубійцъ. Дышущины журавли. Дядя кузнецъ. Неудачный дождь. Ц. 30 к.

Гл. Упр. Военно-Учебн. завед. книга РЕКОМЕНДОВАНА для приобрѣтенія въ библиотекѣ кад. корпус. для чтенія кад. 1 и II классовъ. (Пед. Сб. № 7, 1905 г.). ОДОБРЕНА для ротныхъ библиотекъ кадетскихъ корпусовъ.

ЕГО ЖЕ. Таня Погай. Рассказъ изъ жизни сѣверныхъ народовъ. 2-е изданіе. Ц. 10 к.

ЕГО ЖЕ. На дикомъ сѣверѣ. Первый сборникъ рассказовъ. Съ рисунками. Ц. 40 к.

ДРОЖЖИНЪ С. Д. Жизнь поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина (1873—1905 г.), описанная имъ самимъ и избранными стихотвореніями. Съ портретомъ автора. Ц. 45 к.

О. О. У. К. М. Н. П. ДОПУЩЕНА въ учебн. библ. низш. учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 13191, отъ 7 декабря 1905 г.)

РЕМИЗОВЪ М. Н. Рассказы изъ русской исторіи. I. Херсонесъ. Ц. 10 к.

Гл. Упр. Военно-Учебн. завед. РЕКОМЕНДОВАНА для приобрѣтенія въ библ. кадетск. корпус. для чтенія кадетамъ 1 и II классовъ. (Пед. Сб. № 7, 1901 г.). М. Н. П. ДОПУЩЕНА въ библ. низш. учебн.

ЕГО ЖЕ. III. Начало удѣловъ на Руси. Ц. 10 к.

О. О. У. К. М. Н. П. ДОПУЩЕНА въ учебн. библ. городск. училищъ, въ учебн. библиот. начальныхъ народныхъ школъ и въ безплатныя народн. читальни и библ. (Отношеніе № 3581, отъ 5 февраля 1901 г.).

ЕГО ЖЕ. Нашествіе монголовъ на Русь. Ц. 10 к.

О. О. У. К. М. Н. П. ДОПУЩЕНО въ безплатныя народн. чит. и библиотекн. (Отношеніе № 27547, отъ 8 окт. 1901 г.).

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ А. Сынъ оружейника. Повѣсть В. Стоддарда. Съ рис. Ц. 30 к.

Я хурбетъ.

Изъ жизни на Новой Землѣ¹⁾.

I.

Это было на островѣ Новой Землѣ, въ самую полярную ночь когда мы, —единственные его обитатели. —я, миссіонеръ и нѣскольکو семействъ бѣдныхъ самоѣдовъ — жители этого полярнаго острова, затерявшагося далеко въ Ледовитомъ океанѣ, —сидѣли и зимовали въ маленькой полярной колоніи — Малые Кармакулы, почти совсѣмъ занесенные снѣжными бурями.

¹⁾ Новая Земля —большой двойной островъ въ Ледовитомъ океанѣ. Къ нему можно проѣхать только лѣтомъ. Зимой онъ совершенно отрѣзанъ и не доступенъ, благодаря пловучимъ льдамъ. На Новой Землѣ живетъ всего только человекъ сто самоѣдовъ.

На дворѣ постоянно, почти не перемежаясь, ревѣлъ страшный буранъ. Въ вершинахъ снѣжныхъ, сѣрыхъ горъ, въ минуты затишья, словно какъ неслись съ шумомъ какіе-то желѣзнодорожные поѣзда отъ страшнаго въ верхнихъ атмосферахъ вѣтра. Изъ падей, узкихъ глубокихъ долинъ, словно дымъ какой, неслись къ морю безпрерывные снѣжные вихри, а море,—даже нашъ ледяной заливъ,—такъ скрипѣло, скре-

У юрты самоѣдовъ.

жетало, жалобно плакало полярными толстыми льдами, приводимыми въ движеніе громадными волнами, что, казалось, оно

совѣтъ ими изложеть нашъ каменный, изглоданный уже вѣками берегъ.

Словомъ, была настоящая полярная ночь съ бурями, вѣтрами, вихрями, штормами, жалобнымъ, страшнымъ воемъ и свистомъ вѣтровъ, когда полдень плохо отличался отъ самой темной полночи, и мы, вмѣсто дня, только порою видѣли слабый разсвѣтъ на минуты. А порою были и такіе дни, что мы не смѣли носа показать на улицу, безъ риска быть немедленно снесенными страшнымъ порывомъ вѣтра подъ обрывъ нашего берега, гдѣ шептались сердитыя волны. И самоѣды, жившіе отъ насъ всего въ двадцати шагахъ, въ зданіяхъ колоніи, были ограждены отъ нашего зданія такими сугробами, которые были, пожалуй, выше дома. И только порой, когда вдругъ затихали вихри бури, и на горизонтѣ юга загоралась слабая (точно утренняя) заря, мы осторожно выходили въ спѣжныя, холодныя сѣни, съ трудомъ откапываясь отъ навалившихся за дверью снѣговъ и поднимались, какъ на брустверъ какой, на снѣжный сугробъ и оглядывали, что стало послѣ бури.

Въ другой разъ было жутко посмотреть, что случилось съ нашею бѣдною зимовкою. Зданія занесены, сугробы паравиѣ съ крышами, стѣны убиты мокрымъ снѣгомъ и забрызганы обледѣлыми солеными брызгами; все дерево, углы, кресты кладбища обледепелись. И мы, вытѣзшіе на сугробъ ого жители, казались какими-то привидѣніями въ своихъ мохнатыхъ бѣлыхъ оленьихъ костюмахъ.

— Живы ли вы?—кричали самоѣды, появляясь изъ своихъ жилищъ передъ сугробами. Мы отвѣчали: „живы еще“ и спрашивались: не заболѣлъ ли кто страшною цынгою.

Но и эти свиданія порой были минутами: зареветь снова установившійся было страшный бурашъ, грянетъ съ ближайшихъ горъ страшный, снѣжный вихрь, и мы ныряемъ съ высокаго сугроба и снова прлчемся, чтобы насъ не унесло въ сердитое, ледяное, страшное море.

Вотъ въ такое-то время, когда мы забыли уже о соннышкѣ и даже не мечтали о теплѣ, и появилась на свѣтъ отъ моей собаки маленькая собачка.

Спускаю съ постели разъ утромъ я ноги, размыскиваю въ темнотѣ мягкія оленьи туфельки, надѣваю одну, начинаю надѣвать, было, другую, какъ вдругъ тамъ что-то такое мягкое, теплое и еще шевелится...

Я даже ахнулъ отъ неожиданности и поторопился убрать скорѣе съ пола ноги. „Что такое за явленіе?“—думаю. „Неужели въ мои туфли забрались полярныя мыши?“ Прислушиваюсь: какъ будто дыханіе слабое, и я рѣшительно теряюсь въ догадкахъ.

Осторожно добываю огонь; осторожно оглядывался, засвѣчаю свѣчу на ночномъ своемъ столикѣ и сиѣшиваюсь, и смотрю съ своей кровати.

Въ моей туфлѣ, оленьей темной туфлѣ, лежитъ какой-то неизвѣстный маленький песъ, который залѣзъ туда и уткнувъ въ нее свою неизвѣстную мнѣ мордочку и выставилъ за туфлю одинъ хвостикъ,—толстый, съ бѣлымъ концомъ, хвостикъ, который такъ насмѣшилъ меня своимъ страшнымъ положеніемъ, что я расхохотался.

— Ахурбетто!—выругался я на арабскомъ нарѣчій и, заинтересованный окончателъно этимъ явленіемъ, суетился тихонько съ кровати, склонился на полъ, сѣлъ на разостланную

у кровати мохнатую оленью шкуру и сталъ разсматривать, кто помѣстился въ моей туфлѣ.

Трогаю тихонько рукою—ворчить. Трогаю осторожно за кончикъ хвостика—увертывается. Глажу тихонько по шелковистой, пестрой спинѣ—не шевелится. Пробую выпутъ изъ туфли—дальше залѣзаетъ.

„Однако,—думаю я,—намъ нужно познакомиться“, и быстро поднимаю туфлю, и безъ церемоніи вываливаю содержимое на оленью шкуру.

Смотрю: прекрасный, породистый щенокъ, чистый водолазъ самой лучшей породы, съ блестящей, шелковистой шерсткою, съ красивою толстою мордочкою, раздѣленной бѣлымъ пятномъ, какъ у настоящаго санъ-бернара, съ пушистою, волнистою, кудрявою шевелюрою и съ такими толстыми лапами, которыя обнаруживаютъ въ послѣдствіи большую, рослую, сильную собаку.

И даже обрадовался этой неожиданной находкѣ и рѣшилъ тутъ же принять въ немъ горячее участіе; и такъ какъ онъ страшно безнокоился, все ползалъ по оленьей шкурѣ и искалъ чего-то толстою своею мордочкою (какъ я догадался, тепла своей матери), я быстро взялъ его и устроилъ на своей постели.

Почувствовавъ тепло, онъ быстро успокоился, а я задумался, глядя на него, какъ онъ умѣло свернулся въ клубокъ и сталъ засыпать у самой моей, еще теплой, подушки.

Потомъ осматриваюсь, откуда онъ взялся.

Оказывается, самымъ естественнымъ образомъ. Онъ родился въ сосѣдней пустой комнатѣ, потомъ, вѣроятно, найдя помѣщеніе это слишкомъ для себя прохладнымъ на голомъ

полу, проникъ, разыскивая тепло, въ мои пріоткрытыя двери и тутъ нашелъ себѣ помѣщеніе въ туфелькѣ, которая только-что оказалась ему впору.

Я удивился только этой ранней догадливости и за эту догадливость рѣшилъ взять его къ себѣ и вскормить во что бы то ни стало.

Что касается названія, то оно такъ и осталось за нимъ, какъ вырвалось у меня невольно.

На моей кровати былъ Яхурбетъ, о существованіи котораго я даже не зналъ за минуту.

II.

Съ появленіемъ на свѣтъ Яхурбета, словно пахнуло на насъ счастье. Погода, страшная погода, сразу остановилась; вмѣсто вѣтровъ на дворѣ была полная тишина, а на южномъ горизонтѣ вспыхнула такая красная зари, что я залюбовался.

Словно море пахнуло весной, хотя до яснаго солнышка было еще очень далеко. Бываетъ такая погода зимой: вдругъ вскрыется послѣ бури бурное море, отдастъ чистому воздуху все свое принесенное теченіями съ южныхъ морей тепло, повалитъ мягкій снѣгъ, пробрызнетъ даже дождикъ, помянутъ человѣка весной и теплымъ воздухомъ, и снова заморозитъ.

Я зналъ это явленіе и наслаждался, когда вѣсть объ Яхурбетѣ уже разнеслась въ колоніи, и ко мнѣ въ комнату прибѣжали самоѣдскія дѣти.

— Покажи собачку!—кричали они, блестя глазками, ясные, веселые. Я провелъ ихъ въ свой кабинетъ, и они привѣтствовали по своему маленькаго Яхурбета.

У одной красивой смуглой дѣвочки въ оленьей расшитой ленточками шубкѣ даже заиграли глазки, но я умѣло устоялъ передъ искушеніемъ и не отдать, не подарить ей Яхурбета, какъ она объ этомъ ни заговаривала.

Потомъ поздравить меня съ новорожденнымъ явился сосѣдь по комнатамъ—степенный монахъ Іона.

И серьезный о миссіонерѣ залюбовался красивой собачкой. А днемъ ко мнѣ уже явилась осматривать его вся наша шумная самоѣдская колонія, сразу наполнивши мои комнаты теплыми костюмами и свойственнымъ имъ ароматомъ.

Извѣстно, что самоѣды, какъ всѣ дикари нашего Сѣвера, страшно любятъ всякихъ животныхъ; но собакъ они любятъ особенно, почему и немудрено, что появленіе на свѣтъ Яхурбета вызвало такое вниманіе.

Всѣ смѣялись, шутили, разсматривали его, вертѣли и ахали; всѣ разглядывали его, какъ, не знаю, какую драгоценность. А онъ спокойно давалъ себя ощупывать и прижимать къ груди и цѣловать, обнаруживая въ своей толстой мордочкѣ особенную, ему прирожденную, собачью важность.

И всѣ нашли, что это будетъ важный, ѣздовой, пожалуй, даже передовой пестъ.

Извѣстно, что самоѣды болѣе всего цѣнятъ собакъ не по злобности, не по падкости на разныхъ крупныхъ звѣрей, а по силѣ, которой они дорожатъ, передвигался тамъ на собакахъ.

Однако, знатоки, настоящіе охотники, пришедшіе ко мнѣ вечеромъ, безъ народа высказали мнѣ нѣсколько иное мнѣніе относительно маленькаго пса, предварительно внимательно его осмотрѣвши.

Старикъ Семсѣ Уучей, въ своей вѣчно замаранной кровью

звѣрей и блестящей отъ этого малицѣ, осмотрѣвъ внимательно пса, серьезно сказалъ, что это будетъ, судя по ушамъ „послушная собака“. Мой другъ и проводникъ въ охотничьихъ экскурсіяхъ, неизмѣнный товарищъ по охотѣ—Костя Былка, осматривая его пасть съ темными и полосатыми крапинками внутри, замѣтилъ, что онъ будетъ злобною собакой. Андриюшка Табарей, толстый самоѣдъ, съ вѣчно заплывшею фнзіономіей, благодаря страшному здоровью и обжорству, пашель какую-то особую примѣту на груди по которой опредѣлили его будущую силу. А старикъ Максимъ Пырерка, самый опытный охотникъ на бѣлыхъ медвѣдей, который потерялъ уже и счетъ убитымъ имъ медвѣдямъ, отыскалъ ко всеобщему удивленію и удовольствію у Яхурбета какой-то лишній палецъ, по которому предсказалъ ему блестящую на охотѣ по звѣрю будущность и такія охотничьи способности, которыя рѣдко бываютъ даже въ одной собакѣ. И онъ даже привелъ, никѣмъ неопровергнутый фактъ, примѣръ, на своемъ давно пропавшемъ псѣ, который отличался такою злобностью, что одинъ останавливалъ медвѣдей.

И даже „Кривая бабушка“, какъ мы ее прозвали за потерпѣнный глазь, жена этого старика-самоѣда, особенно отличавшаяся нѣжностью къ собакамъ, и та высказала, что это будетъ прекрасный, красивый, крупный песъ, при чемъ не преминула засунуть его за свою просторную пазуху, чтобъ погрѣть его своимъ старческимъ голымъ тѣломъ.

Я чистосердечно повѣрилъ всѣмъ этимъ предсказаніямъ добрыхъ людей и еще больше проникся нѣжностью къ этому маленькому животному, которое насъ всѣхъ такъ заняло и оживило.

III.

И вотъ, песь сталъ у меня жить, сдѣлавшись предметомъ нѣжныхъ попеченій не только со стороны меня, но и нѣхъ съ завистью смотрѣвшихъ на него самоѣдовъ. Ползалъ по полу моей компаты и повизгивалъ солиднымъ голосомъ, когда нужно было; нюхалъ и обнюхивалъ все съ собачьей своей серьезностью; грызъ все и кусалъ, словно знакомясь пока на ощупь своими зубами; катался и разваливался, когда было особенно тепло и уютно, и спалъ цѣлыми днями и ночами то на диванѣ, то на моей кровати, постоянно почему-то вздрагивая и шевеля своими толстыми лапами, что насъ особенно порою занимало.

И съ жизнью, ростомъ, развитіемъ маленькой собачки быстро шли дни, и какъ-то не такъ жутки были одинокія, длинныя, бурныя ночи.

Разъ утромъ, не помню на который день послѣ рожденія Мхурбета, я замѣтилъ у него глазки. Черныя умные полузакрытыя вѣками глазки, которыми онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ то на меня, то на горящую яркую свѣчку.

Казалось, что-то говорили даже эти глаза, о чемъ-то серьезномъ, свѣтломъ, будущемъ, о какой-то радости бытія и вмѣстѣ съ этимъ горя.

Приходили и дѣти самоѣдовъ смотрѣть его глаза; дѣвочки были отъ нихъ даже въ восторгѣ. Приходили и женщины смотрѣть его глаза, и имъ они тоже очень понравились. Приходили смотрѣть на глаза Мхурбета и охотники-самоѣды, и имъ они показались умными, серьезными, обнаруживающими

охотничью умную собаку. Но всѣхъ трогательнѣе былъ отзывъ „Кривой бабушки“, которая была въ восторгѣ, Она просто расцѣловала его, увидавъ, какъ Мхурбетъ взглянулъ на нее ласковымъ, свѣтлымъ, собачьимъ преданнымъ взглядомъ, и лизнулъ еще ее теплымъ языкомъ прямо въ физиономію.

Я уже не говорю о томъ, какими ласковыми, нѣжными именами называли его, любуясь при этомъ случаѣ.

Общее мнѣніе, высказанное этими любителями и цѣнителями собачьяго рода, было такое, что это будетъ умная собака.

* *
*

Но пока умъ этого маленькаго, любопытнаго, красиваго, нестраго пса обнаруживался страшнымъ образомъ.

Опъ грязь мою, неимоვნѣрно теплую, олепую малюцу, въ которой я обычно выходилъ прогуливаться въ тихую погоду почему-то особенно преслѣдовалъ тоже оленій коврикъ у кровати, грязя его со всѣхъ сторонъ и самымъ жестокимъ образомъ. Моимъ теплымъ туфлямъ опъ не давалъ рѣшительно покоя и скоро превратилъ ихъ въ самый растрепанный, некрасивый видъ, такъ что я стѣснялся ихъ носить даже полярной ночью. Стулья мои, ножки столовъ, табуретокъ тоже подверглись его нападенію, а книги, учебныя, дорогія книги, упавшія какимъ-то образомъ на полъ съ этажерочки, подверглись такому разгрому, что я только покачивалъ головою въ раздумьи, какъ буду жить дальше.

А собака моя такъ весело поглядывала на меня своими умными глазками, такъ ласкалась ко мнѣ, царапала меня своими толстыми лапами, бросаясь на грудь и падая тутъ же

отъ неустойчивости, и потомъ разваливаясь передо мною на полу, что какъ бы умоляла меня еще позволить ей повозиться съ листами моей книги.

* *
*

Но больше всего она надоѣдала не мнѣ, а моему песцу, полярной бѣлой, дикой, но прирученной теперь, лисичкѣ.

Эту лисичку я развѣ нашёлъ застигнутою злыми самоѣдскими собаками подѣ обрывомъ каменистаго берега. Новидному, она была молода и поэтому глупа. Она подбѣжала близко къ дому; злые псы цѣлою оравой замѣтили ее и загнали подѣ скалу и, только благодаря одной случайности, что я находился тутѣ около, прогуливаясь подѣ скалою, она не раздѣлалась съ ними своей шкурою.

Я божѣ труда отогналѣ тростью собакѣ; потомѣ, не безѣ затрудненія, досталѣ ее своею мохнатою рукавицею.

Она попробовала было укусить за нее меня, но видя, что это меня не испугало, спокойно сдалась моимѣ усиліямѣ, и я принесѣ ее за шиворотѣ въ комнаты и устроилѣ въ сосѣдней пустой комнатѣ. А потомѣ она такѣ привыкла ко мнѣ, будучи отѣ природы не пугливою и не дикою, что спокойно брала мясо изѣ моихѣ рукѣ, лакобилась гагачьими яйцами, которыя мы употребляли на этомѣ полярномѣ островѣ. не имѣя курицѣ, и спала у меня въ комнатѣ, смотря потому, гдѣ ей захочется: на мягкомѣ диванѣ или кровати. Мы были даже друзья съ этою лисичкою и, порой, играли съ ней на полу, коротая время.

Сначала я думалѣ, что мой Яхурбетѣ будетѣ намѣ добрымѣ товарищемѣ; но скоро убѣдился, что горько въ этомѣ ошибся

Въ немъ слишкомъ рано стали развиваться охотничьи, промысловыя способности, и онъ сталъ дѣлать стойку на этого мирнаго, безобиднаго звѣрька, бросаться на него съ лаемъ, когда онъ не хотѣлъ поддаться объятіямъ его лапокъ, ловить его даже за хвостъ, когда онъ быстро перебѣгалъ комнату, и устраивать пастоящую облаву на него, когда тотъ забивался за печку.

А когда Яхурбетъ какъ-то взялъ ее за шею мертвой хваткой, и она за это нахальство отвѣтила ему такимъ укусомъ острыхъ бѣлыхъ зубовъ, что онъ подпрыгнулъ вой на всѣ Малыс Кармакулы, они стали такими непріятелями, что я задумался, что дальше у нихъ будетъ.

Но, къ счастью моему, у нихъ не было больше подобной ссоры: песь сразу понялъ всю невыгодность вступать съ лисичкой въ ссору и обратилъ вниманіе на полярныхъ мышей, которыя мирно проживали въ сосѣдней комнаткѣ, тоже принесенныя мною разъ изъ экскурсіи, когда попались цѣлымъ гнѣздомъ на дорогѣ.

* *
*

Нужно сказать, что онѣ не были похожи на нашихъ домовыхъ мышекъ: онѣ были мохнатыя и бѣлыя, какъ есть бѣлые медвѣди, а ростомъ были въ два раза больше нашихъ мышей. Онѣ спокойно, не кусаясь, давались въ руки и даже не имѣли того тонкаго хвостика, который намъ такъ знакомъ по кухнямъ и чуланамъ.

Словомъ, это были самыя мирныя животныя, которыя мирно перебѣгали по комнатѣ, ѣли насыпанную имъ по угламъ крупу и свѣжій снѣгъ, грызлись по ночамъ за печкою, отбивали

дробь своимъ толстымъ ноготкомъ, которымъ онѣ пробиваютъ себѣ быстро въ снѣжныхъ сугробахъ норки или проходы. Онѣ боялись только моей лисички, которая была отъ природы ихъ врагомъ и преслѣдователемъ, потому что ими питалась на волѣ.

Но здѣсь, въ комнатахъ, она не касалась ихъ, хотя припуждала нерѣдко къ осторожности, поглядывая на нихъ своими блестящими хищными глазами. На этихъ-то маленькихъ, привыкшихъ къ человѣку, звѣрьковъ этого полярнаго острова и перенесъ свои охотничьи попомановенія, свою страсть, мой Мхурбетка. Онъ съ лаемъ гонялся и преслѣдовалъ ихъ въ сосѣдней комнатѣ, когда онѣ перебѣгали по полу, оглушительно лаялъ на нихъ, такъ на настоящихъ бѣлыхъ медвѣдей, царапалъ пень, когда онѣ скрывались въ ея махонькихъ отверстіяхъ, исчезая передъ самымъ его носомъ, набрасывался и получалъ заслуженные объ нее удары. Онъ лежалъ часами, высматривалъ ихъ въ отверстіяхъ и вынюхивая, все думая, что онѣ попадутся въ концѣ концовъ ему въ сильные зубы.

И когда не удавалось ему это преслѣдованіе, онъ жестоко рвалъ мои бѣдные туфли, таскалъ по комнатѣ олений коверъ, грызъ ножки стола и стульевъ, и даже упражнялся надъ желѣзною печкою, пока не обжигался въ собачьемъ усердіи кусаться.

Казалось, зубы ему не давали покоя, и онъ всячески старался ихъ развить и усовершенствовать, слѣдуя закону своей породы.

Такъ онъ росъ у меня, то играя, то засыпая крѣпкимъ сномъ, растягиваясь потѣшно на полу и вдрагивая всѣми членами, навозившись, не видя пока ни свѣта солнца, котораго все не

было, ни красокъ яснаго дня, который еще не наступилъ на этомъ островѣ, ни холода и стужи, а видя только свѣтъ лампы и свѣчи, и ощущая только тепло искусственной печи.

Я не разъ тогда задумывался: какъ ему не поправится стужа этого острова, и какъ онъ будетъ удивленъ потомъ ясному, весеннему дню, хотя, кажется, это было скорѣе моею личною мечтою — дожидаться этого счастливаго времени, котораго всѣ ждали въ колоніи, тяготясь безпросвѣтной тьмой и сумерками вмѣсто дневного свѣта.

* *
*

Но несмотря на то, какъ медленно катилось скучное, холодное, темное время, песь росъ съ удивительною скоростью, и самоѣды, заходившіе по временамъ ко мнѣ, удивлялись только, какъ онъ подается въ ростѣ.

Къ нимъ, какъ къ новымъ людямъ, охотникамъ, пахнущимъ другимъ воздухомъ, вносившимъ ко мнѣ въ комнату частички другого свѣта, онъ относился съ особеннымъ любопытствомъ.

Онъ обнюхивалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ ихъ ноздри; онъ съ важностью стараго любопытнаго пса обнюхивалъ ихъ, когда они садилась на полъ по-татарски, и только подробно обследуя, собравивши что-то, осмотрѣвши вдобавокъ серьезными умными глазами ихъ кругомъ, ложился въ средину ихъ и затихалъ, дремалъ, чтобы потомъ разоспаться самымъ сладкимъ образомъ, какъ будто мы его усыпляли своей неумолкаемой тихой бесѣдой объ охотахъ.

Мнѣ казалось, — онъ догадывался о существованіи другого міра, другихъ подобныхъ ему псовъ на островѣ, потому что онъ такъ серьезно относился къ этимъ визнтамъ.

По этотъ міръ былъ пока, для него загадкой, а я все откладывалъ далѣе и далѣе вывести его на свѣтъ, потому что было холодно на островѣ и скучно.

Такъ встрѣтили и провели съ нимъ Рождество; такъ протекло и позднее потомъ время, и единственно, съ чѣмъ онъ пока ознакомился далѣе комнаты, это съ нашимъ темнымъ, вѣчно холоднымъ коридоромъ.

Но онъ не привыкъ этому, изнѣженному тепломъ, маленькому псу онъ издрагивалъ, какъ только его касался сухой и холодный воздухъ, дрожалъ потомъ не мало послѣ выноса и даже пятился и убирался подъ кровать, когда открывались на него двери.

Между тѣмъ, на немъ росла шелковистая, волнистая, кудрявая шерсть, которая отсвѣчивала только при свѣтѣ зажеженной лампы, поражая красивыми, темными и бѣлыми пятнами.

Маленькій песъ превращался въ красивую, рослую собаку породы подолаза; и даже миссіонеръ, серьезный монахъ, и тотъ ласкалъ его тихонько рукою, любилъ красивою, шелковистою шевелюрою и умилой головою, а песъ скакалъ на него и ласкался къ нему, обрадованный этою ласкою.

Самоѣды рѣдко ласкали его они не ласкаютъ обычно собаку, но зато малѣйшее движеніе рукой, хоть признакъ ласки, возбуждаетъ страшно собаку. Такъ дѣти порой, не избалованныя ласками, чувствуютъ малѣйшее къ нимъ проявленіе ея и готовы плакать даже и отъ мимолетной ласки.

IV.

Прошло скучное, вдали отъ родины, Рождество; прошелъ Новый годъ, веселыя на родинѣ святки, а мы все пережи-

или полярную ночь, которая только изредка, въ полдень порой напоминала намъ о солнышкѣ, вспыхивая на южномъ горизонтѣ алой зарею. То алой, пѣжной зарею нашей зимы, когда она золотитъ наше зашлепѣвшее, задрнутое красивыми капризными узорами окошко нашей спальни утромъ, на которое долго, бывало, любуешься, закутывался крѣпче еще въ

Въ океанѣ.

теплой постели. Но заалѣетъ горизонтъ, покажется въ окнѣ въ полдень, какъ будто зарево слабое, пѣжный отблескъ, и снова уже темно, не брызнуть лучи, не заиграетъ изморозь оконницы...

На дворѣ стало еще холоднѣе, пастушила стужа.

Ихурбеть только подрагивалъ, когда трескала отъ холода крыша; молодая собака только прислушивалась, когда въ заливѣ раздавались, какъ пушечные, выстрѣлы.

Это ломался отъ холода толстый ледъ; ломался и осѣдалъ, долго еще повизгивалъ, постанывая у берега, какъ будто плакало море.

Но вмѣстѣ съ холодомъ пробивался день. Въ половинѣ января уже было довольно свѣтло; среди дня въ замерзшее окно пробивался какой-то пѣжно-нѣжно голубой свѣтъ. Припикнувъ къ окну, уже можно было прочесть страницу книги. И маленький пестъ, все еще не знающій солнышка, а знающій вѣчную тьму, съ удивленіемъ поглядывалъ, различая за окномъ высокіе сугробы снѣга.

Наконецъ, двадцатаго числа, брызнуло солнышко. Брызнули лучи. Показался краешекъ яркаго, краснаго солнышка, запрыгалъ, заскакалъ на самомъ горизонтѣ и, словно убѣдившись, что живы еще мы, не умерли тутъ отъ цынги, спрятался радостный за море.

Это было радостное явленіе. Мы любовались имъ, какъ истые солнцепоклонники въ старое время, и готовы были броситься другъ другу на шею со слезами въ глазахъ, какъ настоящіи лѣти.

Послѣднія же рѣшительно сходили съ ума отъ радости: то кувыркались, съѣзжая съ сугробовъ крыши, то кричали что-то яркому солнышку, то бѣжали къ матери и падали на грудь, говоря, что видѣли солнце...

Не видѣлъ его только Ихурбетъ: на дворѣ было страшно холодно, и я на словахъ, со слезами на глазахъ, объявилъ ему, что видѣлъ солнышко, что скоро будетъ тепло, весна и теплое лѣто...

Песъ, ласковый песъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, новидимому, недоумѣвая моей радости.

Но день ото дня, когда все больше и больше оставалось у насъ солнышко и прибывалъ, словно расцѣталъ, онъ началъ какъ-то волноваться. Что-то инстинктивно тянуло его на улицу, къ солнцу, и я рѣшился вывести его, какъ только будетъ пемножко потеплѣе.

И вынесъ его въ тулупъ, прижавши къ груди, на вышку, откуда прекрасно было видно красное, совсѣмъ не ослѣпительное въ это время солнышко, и былъ свидѣтелемъ, какъ поразило оно собачку.

Она съ удивленіемъ, раскрытыми широко глазами смотрѣла на него, подрагивая немного отъ холода, потомъ взглянула на меня и взвизгнула отъ радости. Передъ Яхурбетомъ было солнце!

Съ тѣхъ поръ въ полдень уже трудно было удержать собаку: она рвалась на чудную улицу, бѣлую свѣжкую улицу, съ сіяющимъ, хотя холоднымъ солнцемъ, и я выводилъ, наконецъ, ее на свѣтъ, собственными ея лапами за двери дома.

Все было ново для нея: и свѣтъ, который похрустывалъ подъ толстыми лапами, и свѣтъ, которымъ ее обливало съ непривычки, и тихій вѣтерокъ, который шевелилъ ея шерсть, и страшный высокій сугробъ, который нагнали къ дверямъ зимою бури.

Изнѣженный песъ съ радостью, подрагивая, повизгивалъ у моихъ ногъ, суя повсюду морду. Но высшее его удивленіе было то, когда онъ увидалъ собакъ.

Признаться сказать, я было струсиль за моего песика, когда на него съ громкимъ лаемъ бросились самоѣдскіе псы.

Но песъ, хоти и поджавши хвостъ, съ достоинствомъ выдержалъ испытаніе и далъ себя обнюхать.

Казалось, и самоѣдскіе псы, какъ и ихъ хозяева-охотники, нашли, что эта добрая собака, и, должно быть, это прекрасно замѣтилъ Мхурбетъ, потому что минутная трусость у него закончилась рѣшимостью, и онъ сталъ знакомиться съ псами.

Послѣ этого трудно стало уже удерживать его въ комнатѣ; интересъ къ мышамъ и къ песцу у него быстро смѣнился интересомъ къ собакамъ, и онъ цѣлые дни проводилъ уже на улицѣ. найдя тамъ себѣ такихъ товарищей, которые взапуски съ нимъ летали по сугрубамъ снѣга.

*
* *

Какъ-то разъ, въ февралѣ, когда уже ярко блестѣло солнышко, я взялъ его съ собой въ горы.

Песъ съ радостью носился по снѣжной равнинѣ; завидѣвъ черный камень, тыкался въ него носомъ, съ недоумѣніемъ останавливался передъ пеструшками, которыя прятались въ снѣжныя поры, и разъ былъ испуганъ, до невозможности, бѣлой полярной совой, какъ она крикнула, увидѣвъ его рядомъ подъ скалою, и взмахнула широкими крыльями, заснувши было на солнцѣ.

Тамъ, въ горахъ, мы нашли съ нимъ свѣжій слѣдъ оленя. Рогатый дикій олень шелъ по самой вершинѣ горы, отыскивая занесенные мхи, и Мхурбетъ даже остановился въ недоумѣніи, какіе водятся на свѣтѣ звѣрн.

Онъ обнюхалъ слѣдъ и взглянулъ на меня, какъ бы спрашивая; я ускнулъ его вдоль по слѣду, и собака поняла, что нужно ирслѣдовать, и мы оба бросились по слѣду.

Олень былъ недалеко. Онъ спокойно, не замѣчая опасности на этомъ пустынномъ островѣ, рылся въ снѣгу копытѣмъ, какъ я приложился и выстрѣлилъ, и онъ бросился въ глубокую долину, заложивъ за спину рожки.

— „Пыр-р-р-усъ“ — крикнулъ я псу, и онъ бросился за

Лѣсные хитники.

раненымъ животнымъ туда; но догнавши, рѣшительно остановился, не зная что дѣлать.

Раненый олень остановился, видя собаку. Потомъ бросился на нее, пугая рогами; но Яхурбетъ нашелся, и раздался

лай, который заставил животное повернуть въ другую сторону по направлению въ горы.

Раздался еще громъ выстрѣла, и олень, подскочивъ высоко, какъ будто дѣлая послѣднія усилія, остановился и рухнулъ, забившись ногами.

Несъ долго не подходилъ, ходя кругомъ и узнавая животное раньше по воздуху, потомъ осторожно дотянулся до задъ и только тогда, когда убѣдился, что животное уже мертво, сталъ нюхать его самымъ подробнымъ образомъ, виляя хвостомъ.

Это былъ нашъ первый промыселъ. Ихурбетъ досыта наедался свѣжей крови и съ такимъ сознаніемъ своего достоинства возвращался назадъ, какъ будто взрослая охотничья собака.

*
* *

Но сму рѣшительно не посчастливилось на льдахъ.

Уже порядкомъ въ мартѣ пригрѣвало солнце. Кругомъ колоній, на льду залива было пропастъ маленькихъ прорубокъ. Это толстый лѣнявый тюлень продулъ ихъ и проскребъ во льду своимъ лапами; и, когда солнце особенно грѣло, и на островѣ пахло весной, онъ съ утра вылѣзалъ тутъ понѣжиться и дремалъ, осторожный, у самой прорубки.

Какъ-то разъ, соблазнившись этимъ звѣремъ, мы отправились съ Ихурбетомъ на море. Сіялъ ясный весенній день. Окружающій свѣтъ горѣлъ милліонами свѣтлыхъ блестящихъ искорокъ, такъ что даже ослѣпляло глаза безъ консервовъ *).

*) Консервы—очки съ цвѣтными стеклами, которыя надѣваются для защиты глазъ отъ слишкомъ яркаго свѣта.

Первый же тюлень, лежащій на льду, когда набросилась на него моя собака, исчезъ, показавши намъ только лапы *). Ихурбетъ страшно былъ удивленъ такому явленію и все нюхалъ воду лунки; но, кажется, онъ еще болѣе былъ удивленъ, когда тутъ же передъ самою его мордою показался и пыхнулъ тюлень, думая снова выбраться на воздухъ. Ихурбетъ—тягу отъ этого водяного чудовища и, кажется, понялъ, что онъ далеко не братъ тюленю.

Два-три такихъ урока на льду сразу приучили его не трогать, не гоняться за тюленемъ. А когда онъ неосторожно выкупался еще въ водѣ, попавши печально въ лунку, онъ нашель, что это уже совсѣмъ неподходящее для него занятіе гоняться за какимъ-то водянымъ звѣремъ.

Онъ только охотно ѣлъ жирное мясо его, когда самоѣды убивали этого ластоногаго, приѣзжая охотиться на край самыхъ льдовъ, далеко въ море.

Это была своего рода картина. Пока обдирали такого лахтакъ **), псы, кружкомъ, послушно, только облизываясь, сидѣли на чистомъ льду возлѣ хозяина; потомъ, когда имъ отдавали тушку, они набрасывались на нее съ жадностью и долго волочили ее на снѣгу, поджавши хвосты и откусывая кусочки.

Въ этомъ же занятіи, собачьемъ пиршествѣ, упражнялся и мой песъ, и нужно было видѣть его стараніе, чтобы знать, какая у него была жадность.

*) Такъ называются похожія на плавники ланг у тюленей и моржей, пальцы которыхъ соединены плавательной перепонкой. Поэтому этихъ животныхъ и называютъ *ластоногими*.

**) Лахтакъ—такъ называютъ большого тюлена.

— Посмотри, какой будетъ песъ! — только говорили са-
модви-охотники, посмѣиваясь, какъ онъ урывалъ куски и
проглатывалъ ихъ, даже не жевавши.

Послѣ этого отъ него пахло такъ язвительно для обоня-
нія, что я подолгу оставлялъ его на улицѣ.

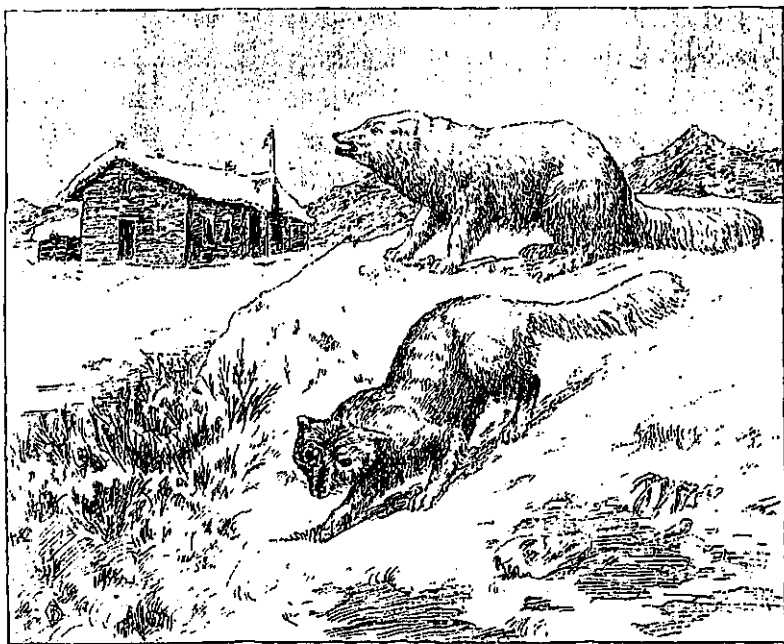
Но больше всего ему нравилось ходить со мной за бѣ-
лыми песцами.

Казалось, у него была давнишняя ненависть къ этому
звѣрю, и нужно было видѣть, какъ онъ его выстѣживалъ,
какъ гонялся за нимъ по снѣжнымъ равнинамъ. Но разъ въ
охотѣ за ними, съ нами случилась непріятность.

Мы нечаянно сошли со скалы, гдѣ онъ спалъ, старого
песца. Животное, казалось, совсѣмъ не боялось собаки, и,
вмѣсто того, чтобы удариться по льду, онъ спокойно воспользо-
вался какой-то громадною намерзшею льдиной, кругомъ ко-
торой и повелъ кружить Яхурбета, ударившагося за нимъ,
пока тотъ не высукулъ языкъ, какъ лопату. Я былъ на скалѣ
и слѣдилъ за этими маневрами; мнѣ совсѣмъ не хотѣлось бить
всюю лисичку; льдина и звѣрь были передо мной какъ на
ладони, и я заливался только отъ хохоту, какъ бѣгалъ песецъ,
и носился за нимъ Яхурбетко.

Казалось, это было безпрерывное круженіе. Казалось, песъ
задохнется отъ досады. Порою онъ даже останавливался въ
недоумѣніи и прислушивался. Но звѣрь былъ тутъ, хитрая
лисичка выглядывала изъ-за льдины, и Яхурбетъ съ вошемъ

бросался снова ее преслѣдовать, пока снова не терялъ изъ вида и не становился окончательно, задышавшись. Вѣроятно, это продолжалось бы до утомленія; но въ это время на выручку явился на громкій лай другой, сторонній песъ, бросившійся въ противоположную сторону, и звѣрь былъ въ пастѣ.

Полярныя лисицы (песцы).

Это случилось по ту сторону льдины, и я не видѣлъ этого любопытнаго зрѣлища, но долженъ былъ послѣдить къ

нему, потому что Яхурбетъ заревѣлъ такимъ голосомъ, которымъ ревѣть ему совсѣмъ не полагалось.

Когда я прибѣжалъ, песецъ былъ на воздухѣ: за хвостъ его тянула самоѣдская собака, а Яхурбетъ пѣлъ самымъ пропитательнымъ голосомъ, чувствуя, какъ въ его чернѣющій носъ впились лисьи зубы.

Положеніе было критическое; Яхурбетъ могъ липнуть къ носу, а песъ тянулъ, тянулъ песца за хвостъ; а тотъ не отпускаялъ.

Пришлось разнять, убивши предварительно животное, и Яхурбетъ долго потомъ помнилъ песца, но все же не пересталъ имѣть къ нему нѣкоторое пристрастіе.

Казалось, лисицъ онъ страшно ненавидѣлъ: онъ гонялся за ними при каждомъ удобномъ случаѣ, преслѣдовалъ ихъ въ скалахъ, взбирался за ними на самыя горы и пропадалъ за ними, какъ за зайцами, долго порою не возвращаясь.

Разумѣется, это было бесполезно: на волѣ песецъ не поддается собакѣ, а въ порѣ, среди камней, его взять, и подавно, не было возможности, потому что онъ такъ далеко улѣзалъ, что чувствовалъ себя въ полной безопасности.

Такъ обнаруживались у пса охотничьи страсти!

Но все же самоѣды, посматривая на его ростъ и сильныя, толстыя лапы, были увѣрены, что это ѣздовой, а не охотничій песъ, почему однажды весной, уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда мнѣ предстояло отправиться въ далекую экскурсію на берегъ Карскаго моря, они предложили мнѣ взять этого пса, чтобы воспользоваться его сплюю, когда пристанутъ ѣздовые собаки.

V.

Какъ я сказалъ уже, это было въ апрѣлѣ. Солнце, неза-
катывающееся теперь солнце, цѣлыхъ двадцать черыре часа
кружилось теперь по небосклону. Бѣлый снѣгъ горѣлъ подъ
нимъ всѣми искрами; темныя скалы сурово глядѣлись; по небу
катились легкія весеннія облака; но ночью было холодно по-
прежнему, стояли даже морозы, и только среди дня пригрѣвало
немного на солнышкѣ, настолько, что было нехолодно въ
тепломъ костюмѣ.

Это лучшее время для экскурсій: горы спали, окутанныя
снѣгами; въ долинахъ настолько были плотны снѣга, что не
было слѣда даже отъ человѣка, а рѣчки мирно спали глубоко
подо льдомъ и сугробами, такъ что переходъ ихъ, гдѣ хочешь.
Говорило о скорой веснѣ только одно горячее солнышко.

Намъ нужно было перевалить хребетъ, высокія бѣлыя
горы, и мы отправились долинами, въ которыя смотрѣлись
горы.

Безжизненно, пустынно. Море давно осталось позади съ
шумливыми волнами и жизнью, и намъ только порой показывался
слѣдъ какого-нибудь звѣря. Одинокій легкій слѣдъ, ко-
торый съ подробностью обнѣхивалъ мой Мхурбетъ, слѣдуя
съ веселостью молодого пса впереди нашего собачьяго поѣзда.

Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ, куда мы шли такъ далеко,
и когда взлетала съ камня бѣлая сова, или когда показывался
подъ скалами песецъ—его непріятель, онъ такъ заливался,
что увлекалъ всѣхъ псовъ, которые были въ упряжкѣ. Разъ
даже они чуть не разнесли насъ, благодаря его погонѣ за

говою имъ подумалось, что это бѣлый медвѣдь въ отдаленіи. Мы спускались какъ разъ съ одной вершины, и псы понесли наши санки съ такою стремительностью, что я живо слетѣлъ съ нихъ подъ высокій сугробъ, а самоѣдъ-проводникъ удержался только какою-то случайностью, благодаря тому, что во время сталъ бороздить шестомъ, которымъ правятъ обычно самоѣды своими собаками.

Чтобы закончить мирно и благополучно путь, мы рѣшили за лучшее припречь и Яхурбета.

Ему очень это не понравилось: хомутъ изъ ляжки теръ ему толстую жирную шею; сосѣднія собаки казались ему какими-то непріятелями, а шесть сзади—какой-то страшной угрозой; но онъ тащилъ съ такою поспѣшностью и такъ повытянулъ свою повзду, что мнѣ, признаться, жалко было смотрѣть, какъ песь старался и изнурялся. А самоѣдъ только покрикивалъ и хвалилъ его за усердіе, говоря, что изъ него будетъ прекрасная собака.

Опытъ кончился тѣмъ, что песь странно за день проголодался, и, прежде, чѣмъ я разложился съ припасами, онъ стянулъ у меня солидный кусокъ мороженаго мяса, что меня привело въ нѣкоторое смущеніе. Мнѣ не нужно было его наказывать: за меня его жестоко наказали самоѣдскіе псы. Они такъ быстро вырвали у него лакомую добычу и такъ навертѣли ему шею, что мое поговораніе къ нему живо смѣнилось на жалость. Кажется, онъ понялъ, что воровать грѣхъ, потому что обратился ко мнѣ съ ласкою, за что и получилъ свою порцію мяса во время.

Дорогой онъ все время держался около; ночью обязательно спалъ у моихъ ногъ, какъ бы сторожа меня отъ бѣлаго мед-

вѣдя, и только утромъ благоразумно отходить далеко въ сторону, пережидая, когда мы запрежемъ безъ него собакъ въ наши санки.

Его сообразительность насъ очень удивляла; мы хохотали съ самоѣдами каждый разъ, глядя, какую онъ занималъ далекую позицію во время запряжки, но шадили пса, зная уже по опыту, что онъ не бережетъ свои слабыя силы.

Зато онъ утѣшалъ насъ, слѣдуя весь день впереди нашихъ санокъ. Онъ носился по-прежнему отъ скалы до скалы, умерительно лаялъ, когда на его лай отдавалось эхо, бѣжалъ стремглавъ, поджавши хвостъ, когда вдругъ осыпались скалы и лаялъ на насъ пронзительно, когда мы отставали, оживляя мертвый, неподвижный воздухъ.

* * *

Мы только черезъ пять дней дотащились до противоположнаго Карскаго берега. Тамъ жило три семьи зимовавшихъ самоѣдовъ. Они страшно обрадовались мнѣ; но они не знали еще пса, который скоро обратилъ ихъ вниманіе, забравшись, пока мы еще здоровались на улицѣ, и стащивши оленій языкъ у женщины, которая только ахнула отъ подобнаго нахальства.

Мнѣ стыдно было за пса, но, благодаря мнѣ, его простили чистосердечно.

Какъ я уже сказалъ, здѣсь жили три семьи охотниковъ даже зиму. Прожить полярную зиму и ночь въ чумахъ—на это нужно чисто самоѣдское терпѣнье; по ихъ влекла сюда масса дикихъ оленей и бродячіе по берегу бѣлые медвѣди.

Это же самое, только весной, привлекло и меня сюда, чтобы попытать тутъ счастье. Разказы самоѣдовъ были уди-

вительным: бѣлые медвѣди навѣдывались къ нимъ къ самому чуму. Одинъ, разъ ночью, даже просунулъ въ чумъ свою страшную морду; другой напалъ на псовъ, несмотря на раздавшіеся выстрѣлы; а третій буквально „слопал“, какъ выразились самоѣды-разсказчики, ихъ товарища на льду, оставивъ въ воспоминаніе о немъ только его пимы, шапку и рукавички.

Про оленей и говорить нечего, такъ ихъ было тутъ много. Даже женщины, оставаясь днемъ однѣ, не разъ убивали ихъ изъ самаго жилища старою винтовкой, когда они подходили къ нимъ безопасно.

Ихурбетъ, кажется, чувствовалъ ихъ даже теперь, понюхивая воздухъ своею черною мыркою, когда мы съ нимъ выходили изъ чума на воздухъ.

Но болѣе всего, кажется, чувствовалъ ихъ я. Я рѣшительно не могъ спать первую ночь спокойно и всталъ на утро ранѣе даже самоѣдовъ, чтобы испытать скорѣе охотничью страсть, которую взволновали во мнѣ ихъ рассказы.

VI.

И, дѣйствительно, я не обманулся

На морѣ мы скоро разыскали свѣжіе слѣды. Проѣхавъ пять-шесть верстъ вдоль берега, мы открыли ночное лежбище медвѣдя. Нужно было видѣть удивленіе и серьезность нашего пса, когда его носъ коснулся свѣжихъ слѣдовъ этого чудовища.

Онъ насторожился весь, поднявши шерсть на спинѣ и поджавши хвостъ самымъ уморительнымъ образомъ, а мѣсто,

гдѣ почевалъ эту почъ страшный звѣрь, онъ обнюхивалъ съ такою нервностью, какъ будто ждалъ, что изъ-подъ сугроба покажется страшная морда.

Бѣлые медвѣди.

Но звѣря здѣсь давно уже не было: проспавши почъ, онъ спокойно ушелъ къ водѣ за новою жертвой. И мы, привязавъ упрямыхъ собакъ, отправились одни съ своей собакой къ морю, которое блестяло на солнышкѣ своею тихою померкшестью, отражая плывущія кое-гдѣ льдины.

Было несказанно красиво въ этотъ день на морѣ: бѣлыя льдинки — какъ лебеди на темной блестящей поверхности, линия

сплошныхъ льдовъ — какъ бѣлый сильный брустверъ, а въ морѣ съ полынѣй послышались такіе крики чаекъ и полярныхъ чистиковъ *), что сплело билось сердце.

*) Птицы, живущія на Новой землѣ, у морскихъ береговъ.

Какъ вдругъ—медвѣдь, поднявшійся далеко изъ-за льдины. Громадное, бѣлое чудовище, царь этихъ льдовъ и моря! Бѣлый песь, немного изжелта, съ претолстыми мохнатыми лапами, которыми онъ широко размахиваетъ на ходу, и тяжелой, опущенной тоже размахивающейся на ходу головою.

Мы прекрасно рассмотрѣли его въ зрительную трубку и тотчасъ же выработали планъ его атаки. Я долженъ былъ зайти за мысъ, къ которому онъ двигался, самоѣдъ же проводникъ долженъ былъ захватить его съ моря.

Прошло полчаса, я былъ у мыса подъ скалою съ Ихурбетомъ. Изъ-за обледенѣлаго камня мнѣ видно было, какъ онъ тихо двигался, но временамъ пріостанавливаясь и озираясь сзади на человѣка, чернѣющагося съ собаками. Вотъ онъ поднялся высоко на льдину, вотъ онъ всталъ на дыбы, опирая море съ человѣкомъ. Какое чудное, захватывающее духъ охотника зрѣлище! Но песь не видитъ его, хотя что-то возможно поводить носомъ.

Разсчитать самоѣда былъ вѣрнѣе звѣрь долженъ былъ мпировать далеко выдавшійся мой мысокъ. Я въ двадцатый разъ осмотрѣлъ внимательно штуцеръ *) и уложивъ пса тутъ около, сталъ съ замираньемъ сердца дожидаться звѣря.

Гдѣ-то извизгнувъ вдругъ и заимся самоѣдскій песь. Послышались голоса болѣе сердитаго темпа. Ихурбетъ было заволиновался, но я успокоилъ его рукою.

Медвѣдь спокойно, казалось, шелъ прямо на насъ. Собаки догнавши его, уже вертѣлись около, мало его останавливая своимъ сердитымъ лаемъ; издали онѣ были сравнительно съ

*) Штуцеръ—ружье.

нимъ какъ мыши, передъ собакой. Но временемъ онъ сердито оглядывался, и тогда псы трусливо отходили прочь, поднявши на спинахъ шерстку.

У меня вдругъ вырвался Яхурбетъ. Былъ моментъ, когда я чуть не бросился за нимъ, чтобы спасти собаку. Моментъ — и онъ исчезъ уже изъ глазъ среди торосовъ льда, а черезъ минуту онъ злобно понесся, поощряемый другими собаками, прямо въ морду звѣря, и въ одинъ мигъ произошло что-то ужасное, и Яхурбетъ неся уже ко мнѣ, заливаясь жалобнымъ воемъ съ ободранной спиною.

Но было не до него: послѣдовали выстрѣлы, потомъ погоня къ морю. Я бѣжалъ и падалъ на бѣгу; навстрѣчу неслись другія пули; что-то визжало и ревѣло въ воздухѣ, и я опомнился только тогда, когда звѣрь свалился, немного не добѣжавъ до моря.

Только тогда я обратилъ вниманіе, что недостаетъ моего пса. Гдѣ онъ былъ, рѣшительно было опредѣлить невозможно. На крики мои онъ совсѣмъ не отзывался, перепуганный, и мы нашли его уже въ становищѣ, на постели моей, въ углу, гдѣ онъ виновато и испуганно облизывался, все еще дрожа отъ страху.

Оказалось, что не цѣла шкура со спины былъ содранъ медвѣжьимъ когтемъ порядочный клочокъ, какъ разъ бѣлая красивая пѣжина, но въ другихъ мѣстахъ все было цѣло, такъ что нечего было особенно тужить объ Яхурбетѣ.

Вечеромъ мы произвели ему удачную операцію: старикъ Пырерка зашилъ ему шкуру, стянувъ ее иглой съ оленьей жилой; языкъ его уладилъ маленькія перовности, и песъ хотя ворчалъ, но спалъ сравнительно спокойно.

Онъ только боялся болѣе выходить на улицу и жался къ женщинамъ, которыхъ его ласкали, а вечеромъ былъ напуганъ страшно бѣлою шкурою, когда неожиданно встрѣтилъ ее на санкахъ.

На другое утро онъ долго лаялъ почему-то къ морю. Самоѣды говорили, что онъ слышитъ звѣря; но онъ рѣшительно не побѣждалъ со мною на охоту, какъ мы не увлекали его туда различными кличками, и остался возлѣ чума.

Я думалъ уже, что этотъ урокъ съ бѣлымъ медвѣдемъ навсегда отучитъ его отъ охоты; но оказалось, что онъ охотно шелъ съ нами въ горы, только не къ морю. И когда мы на другой день отправились было за оленями, онъ сопровождалъ насъ съ санками, только озираясь какъ-то на бѣлые предметы.

Къ морю онъ уже не ходилъ. Морю онъ боялся, какъ боялся всякихъ бѣлыхъ шкуръ, даже если бы это были живыя олени шкурки.

Но всего болѣе онъ насмѣшивалъ, когда мы запрягли его опять въ лани санки, тронувшись обратно въ колонію. Дѣло въ томъ, что на санкахъ была неободранная со шкурою голова медвѣдя; она какъ разъ была знакомою мордою ему въ хвостъ, и нужно было видѣть, какъ онъ старательно вытягивалъ свою лямочку, чтобы быть какъ можно дальше отъ этой страшной морды.

И стоило только дорогой вздохнуть, фыркнуть по медвѣжьему, какъ онъ визжалъ и подпрыгивалъ, опережая своихъ товарищей по лямкамъ!

VII.

Мы воротились домой съ Яхурбетомъ хотя и съ повивной, но все же съ важной, завидной и цѣнной добычей.

Повинка скоро заросла, а отъ случая осталось только одно воспоминаніе, которое скоро изгладилось, можно сказать, совсѣмъ, благодаря большему знакомству съ этимъ звѣремъ.

Дѣло въ томъ, что въ бухту пришло поморское промысловое судно. На этомъ суднѣ, когда мы пріѣхали его встрѣчать съ Яхурбетомъ, оказался бѣлый медвѣженокъ. Яхурбетъ сначала было бросился за бортъ, но испугался бушующаго моря; а потомъ звѣрь оказался такимъ ручнымъ, что ѣлъ сахаръ съ ладони, облизывалъ руку и вообще велъ себя такимъ же мирнымъ образомъ, какъ обыкновенная ручная собака.

Яхурбетъ даже понюхалъ его, и съ этого момента у него сложилось понятіе, что не всѣ бѣлые медвѣди сердиты. А когда потомъ, эта бѣлая, молодая медвѣдница, прозванная матросами „Машкою“, была сброшена за бортъ шутливыми, любившими ея матросами и стала тамъ нырять и плавать, цѣпляясь за канатъ, Яхурбетъ пришелъ въ такое непонятное неистовство, что готовъ былъ броситься за ней, чтобы спасти ее какъ бы она не утонула...

Въ немъ сказалась дальняя кровь водолаза.

*
* *

Въ это время было чудно въ морѣ: волны тихо шептались въ борта; силяго льда и въ помипѣ не было; воздухъ нахнулъ моремъ, а съ ближайшихъ острововъ, населенныхъ милліонами птицъ разныхъ породъ, доносились по вѣтру такіе шумные голоса, какъ будто тамъ былъ городъ, или шумѣла населенная деревня—чисто человѣческими голосами.

Это было птичье царство, птичьи острова, которые только

можно видѣть на дальнемъ Сѣверѣ, гдѣ человекъ еще не нарушилъ пока царства птицъ и животныхъ.

Тамъ, на этихъ птичьихъ островахъ, у промышленниковъ бѣлухи была поставлена сторожка, гдѣ постоянно, все лѣто, днемъ и ночью, сторожили поморы, глядя въ море и замѣчая ходъ бѣлухъ, чтобы потомъ когда онѣ зайдутъ въ нашу просторную бухту, окруженную островами, запереть ихъ въ узкомъ проливѣ для ловли.

Пустынные, тихіе досель острова были теперь оживлены, и мы, помню, цѣлой вѣселою компаніей отправились туда вмѣстѣ съ поморами, захвативъ даже съ собою „Машку“.

Она была въ восторгѣ, только-что выкунавшись изъ морѣ, отъ этого пикника. Какъ только люди залѣзли въ карбась, она помѣстилась въ самый носъ лодки; Яхурбета осторожно спустили тоже туда, за шиворотъ, и онъ помѣстился рядомъ съ ней, представляя уморительную, единственную въ своемъ родѣ картину.

Поморы сѣли въ весла; лодка отчалила, и мы понеслись по волнамъ, которыя тихо плескались у борта.

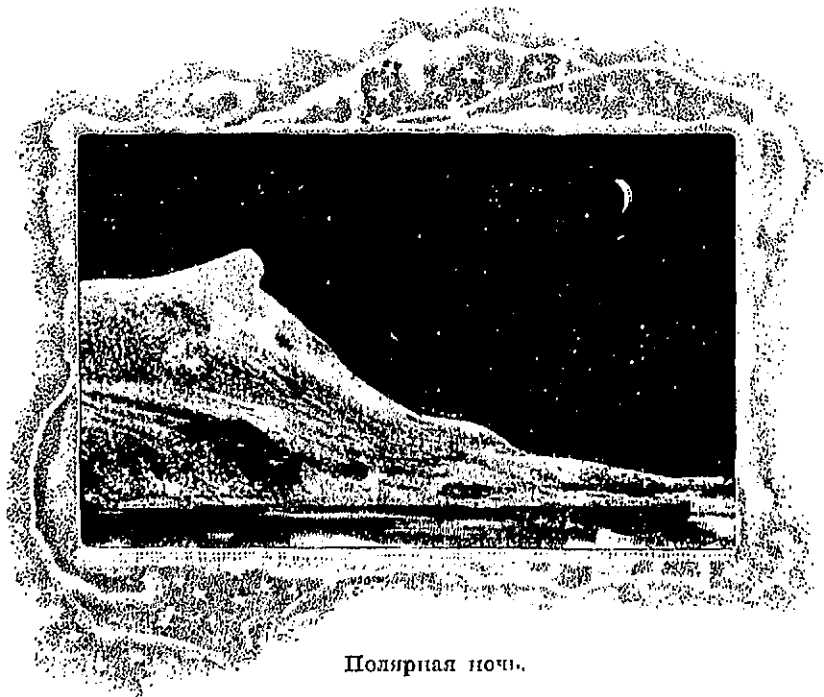
Но дорогой случилось нѣкоторая оказія. „Машку“ соблазнила какая-то, вдругъ подъ носомъ метнувшаяся, рыба; мгновеніе одно—и звѣрь исчезъ за нею въ водѣ, и я видѣлъ только, какъ зазеленѣло полъ волнамъ, и звѣрь нырнулъ глубоко въ море.

Яхурбетъ растерялся отъ этой неожиданности; но „Машка“ скоро показалась, шалуница, на поверхности, и онъ, не долго думая, соскочилъ туда же въ воду, вѣроятно полагая, что она тонетъ.

Матросы расхохотались отъ этой трогательной заботливости и остановили карбась, а я смѣялся отъ души, глядя

какъ Яхурбетъ заботливо плыть къ этому звѣрьку, окружалъ его и бралъ было за шиворотъ, чтобы втащить въ лодку.

Но каждый разъ, когда онъ съ трудомъ добирался до нея, она исчезала также легко, какъ появлялась на поверхности, только отфыркиваясь, и нужно было видѣть жалость, заботу и удивленіе пса, когда онъ одинъ оставался на поверхности.

Полярная ночь.

Кончилась эта картина спасенія погибающей медвѣдицы тѣмъ, что она вдругъ вынырнула снова у самого носа карбаса, отфыркнулась, ухватила ловко лапою, и, прежде чѣмъ Яхурбетъ нашелъ ее глазами, плавала кругомъ одинъ и повизгивая, она вскочила въ карбасъ и заняла свое мѣсто.

Пришлось Яхурбета выпимать изъ воды, какъ мокрую тряпичу.

Но, къ счастью, берегъ былъ недалеко, и онъ выпырнувшись на него не безъ радости и пустился описывать такіе круги, такъ поджималъ свой мокрый хвостъ и дѣлалъ такіа уморительныя увертки, что „Машка“ въ свою очередь пришла въ недоумѣніе и даже встала потѣшно на дыбы, чтобы полюбоваться этой невиданной картиной.

Она, совсѣмъ въ противоположность собакѣ, не нуждалась въ такомъ отряхиваніи, потому что ей достаточно было встряхнуться разъ, чтобы шкурка ея была суха, такъ же какъ была раньше до купанья.

Затѣмъ, мы двинулись къ караулкѣ поморовъ опять всей компаніей, и впереди насъ, съ любопытствомъ что-то обнюхивая, двинулись цесъ и рѣзвущка „Машка“.

На самой возвышенной точкѣ острова, у отвѣсной высокой скалы, мы нашли родъ караулки, выложенной изъ голаго камня поморами. Поморы оживленно стали докладывать своему старому хозяину, какъ видѣли стадо бѣлухъ сегодня ночью, а „Машка“, воспользовавшись случаемъ, залѣзла на самый верхъ стѣны съ ловкостью мартышки.

Яхурбетъ снова остался, повизгивая, хотя ему, повидимому, страшно хотѣлось поиграть съ этой бѣлой красавицею, которая занята была собой, но совсѣмъ не его особой. Она рѣшительно выводила его изъ терпѣнія своими капризами и теперь довела его до того, что онъ оглушительно сталъ лаять на нее, чтобы она слѣзла.

Она слѣзла потомъ, но не для него, а за сахаромъ, которымъ поманили ее матросы, и мы были свидѣтелями, какъ она

учтиво подходила къ нимъ и брала бѣлый кусокъ изъ руки, какъ потомъ залѣзла на колѣни и искала, имѣтъ ли еще, и какъ, мурлыча что-то ласковымъ голосомъ, лизала ладонь руки, что означало, что она просить еще сахару у матросовъ.

Мнѣ даже стыдно было за необразованность Ихурбета, который умѣлъ только вилять лохматымъ хвостомъ и облизываться, когда его лакомили другіе.

* * *

Потомъ мы посѣтили мѣсто свѣженанья звѣря, бѣлухи. Оно лежало въ самомъ углубленіи маленькой, измѣненной бухточки; по берегу валялись отвратительныя, ободранныя туши китообразныхъ, но въ то время, когда мы сторонились отъ нихъ, наши пріятели принялись за нихъ съ такою жадностью, какъ бы это было самое лакомое блюдо.

Къ нашему удовольствію на берегу лежала въ сторонѣ нетронутая туша. Это былъ громадный, сажени въ двѣ съ половиною, китообразный звѣрь. Бѣлая эластичная шкура его такъ и желтѣла, отливала на солнцѣ; китовый, лошастью, хвостъ былъ какъ картина. Но въ то время, когда мы любовались имъ и стояли около, на него печально паткнулся Ихурбетъ и пришелъ въ такой ужасъ, какъ будто это было повтореніе исторіи съ медвѣдемъ.

Это очень насмѣшило поморовъ, хотя мнѣ лично было трудно перенести эту невзданную, странную трусость. Пришлось, чтобы песъ совсѣмъ не скрылся куда отъ трусости, оставить берегъ.

* * *

Мы направились къ галдящему берегу, полному посапвающихъ въ воздухѣ птицъ. Тамъ стоялъ такой шумъ, что мы скоро

были оглушены имъ, и это было поразительно послѣ того, какъ мы привыкли къ мертвой тишинѣ этого острова. въ которой порою сутками не раздастся ни звука.

Тамъ были милліоны птицъ изъ породы большею частію гагарокъ; одиѣ изъ нихъ, что-то крича безпрестанно, сидѣли на выступамъ скалы; другія плавали подъ самымъ берегомъ, ныряя; третьи носились съ крикомъ по воздуху; четвертыя дрались самымъ ужаснымъ образомъ, отстаивая клочокъ скалы, гдѣ были наклепаны блѣдно-зеленыя, крупныя яйца съ крапинками; пятые, стол, нагрѣвали ихъ, прижавшись грудью къ темной, нагрѣтой солнцемъ скалѣ, выводя дѣтенышей прямо на голомъ камнѣ...

Гага.

И надъ ними, и возлѣ нихъ, на самомъ обрывѣ берега посижись, сидѣли, кричали, вертѣлись еще болѣе странныя пернатые существа съ такими толстыми, красными носами, которые походили скорѣй не на носъ, а на топоръ, почему поморы и прозвали ихъ „топориками“.

Тутъ же съ оглушительнымъ крикомъ носились и сидѣли морскія чайки-клуши.

Они, какъ хищники, только сторожили моментъ, чтобы урвать гдѣ яйцо у зазѣвавшейся гагарки.

Словомъ картина была такая живописная, что мы присѣли тутъ и стали наблюдать, и я даже забылъ о существованіи Яхурбета съ „Машкой“.

Какъ вдругъ, оглянувшись кругомъ, я замѣтилъ новое зрѣлище. Яхурбетъ, какъ дикій, носился вдоль берега за летающей низко птицей. Его замѣтили осторожныя чайки и съ такимъ азартомъ и крикомъ напали на него, падая на его спину съ высоты полета, что онъ пришелъ отъ этого въ бѣшенство и ничего не придумавъ болѣе, какъ съ лапъ ловить ихъ въ воздухѣ и носиться за ними вдоль берега острова, какъ сумасшедшій.

„Машка“ оказалась куда спокойнѣе: она просто занялась разыскиваніемъ вкусныхъ яицъ и уже стояла надъ однимъ гнѣздомъ испуганной рябой гаги, съ аппетитомъ пожирая ея голубоватые, крупныя вкусныя яйца.

Я всею силою кричалъ Яхурбету, чтобы онъ оставилъ опасную погоню; но шумъ, крикъ, гамъ птицъ былъ такой, что мой голосъ терялся въ этомъ шумѣ.

Кончилось это тѣмъ, что Яхурбетъ сорвался съ берега и полетѣлъ подъ кручу. Я уже думалъ, что кончено съ собакой. Обрывъ скалы былъ въ сорокъ сажень; подъ нимъ сердито, съ пѣной, разбивались съ шумомъ волны; но къ счастью онъ удержался за одинъ карнизъ и, когда мы бросились, то нашли его окруженнымъ гагарками, которыя страшно кричали на него.

Онъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи: красивый нарядъ его былъ замазанъ птичьимъ пометомъ; вверху была скала, внизу шумѣло море, а въ воздухѣ надъ нимъ съ крикомъ потѣшались его недавніе враги, слетѣвшіеся чуть не со всего этого острова.

Пришлось бѣжать на постъ поморовъ за чѣмъ-либо въ видѣ веревки. Принесли ремень моржовой толстой шкуры; въ концѣ ремня устроили нѣчто въ видѣ мертвой петли; ее съ трудомъ надѣли на голову бѣднаго пса и, несмотря на то, что онъ и задыхался и упирался еще лапами, мы вытащили его, и спасли, чуть не полумертваго отъ страха, отъ смерти и петли.

Яхурбету сегодня рѣшительно не везло, и мы рѣшили поскорѣе отправиться въ колонію или на судно.

VIII.

Эта экскурсія на судно поморовъ-промышленниковъ бѣ-лухъ имѣла то послѣдствіе, что у меня очутилась „Машка“.

Я приобрѣлъ ее отъ нихъ, такъ какъ замѣтилъ привязанность къ ней Яхурбета. Странно, послѣ происшествія на Карскомъ берегу, онъ полюбилъ ее и очень за ней ухаживалъ.

Я радъ былъ, что онъ нашелъ такую милую товарку; но послѣдующее однако показало, что какъ она была прекрасна тамъ на суднѣ, настолько она оказалась неуживчивою въ домахъ.

Она стащила у меня со стола, при первомъ же визитѣ, въ кабинетѣ чернильницу; во время чая лѣзла лапами на столъ, разыскивая сахаръ; во время игры на полу такъ обняла меня, что я чуть не лишился сознанія; а когда я выгналъ потомъ ее на улицу, она появилась черезъ минуту въ окнѣ, сбросивъ предварительно всѣ любимые, единственные горшки мои съ геранью.

Кажется, скоро за мной, и самъ Яхурбетъ въ ней разочаровался. Не знаю, грустила ли она о суднѣ и поморахъ,

ею тѣшившихся; не знаю—недовольна ли была новымъ помѣщеніемъ и пищею,—тамъ она ѣла рыбу; не знаю — такъ ли въ ней сказался женскій капризъ, но то она была такою ласковой и милой, а то такъ кусалась и царапалась, что было ужасно. И скоро у нихъ съ Яхурбетомъ вышла какая-то стычка въ сѣняхъ, послѣ которой онъ долго облизывалъ свою рашеную спину.

Однако, когда я выходилъ съ ружьемъ, они бѣжали со мной вмѣстѣ и довольно даже весело. Но бить съ ними было рѣшительно нельзя: они дрались самымъ ужаснымъ образомъ изъ-за всякой птички, одинъ спасая ее отъ удивительной прожорливости, а другая—отъ Яхурбета. Такъ что мнѣ доставались только перья и крылышки—не больше.

Такъ прошелъ май мѣсяцъ. Такъ прошелъ и слѣдующій за нимъ іюнь съ тяжелыми туманами, которые говорили, что въ океанѣ—плавающіе льды. Такъ, наконецъ, въ концѣ этого мѣсяца, наступила и весна, и вмѣстѣ съ ней и полярное короткое лѣто. Въ эти три мѣсяца солнце только согнало снѣгъ, да и то не тронувъ еще громадные сугробы. Однако изъ-подъ снѣга, между камней, показались яркія незабудочки, на россыпяхъ камней зазлѣли каменоломки, сѣверный макъ, на склонахъ горъ зазелѣли мхи и мелкая жалкая травка, а между камней, прячась отъ стужи, развернулась даже ползучая, уродливая березка.

Яхурбетъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту неизвѣстную ему растительность, и еще больше поился по ней, выходящая мышей и слѣды разнаго звѣря.

Теперь у него была прекрасная охота на песцовъ: ихъ народилось еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пропасть. Съ каждой ка-

менной розсыпи, какъ пойдешь гулять, раздавались хриплые ихъ голоса: то лаяли маленькіе дѣтеныши, увидя собаку смѣло выносились на самые высокіе голые камни и трусливо убѣгая, завидѣвъ несущагося пса, въ каменные порки.

„Ур-р-р-р...“ — урчали они въ такихъ вѣрныхъ, неподли-мыхъ даже для человѣка убѣжищахъ. Песъ нюхалъ, лазилъ, рылся напрасно кругомъ, и стоило ему отбѣжать на десятокъ-другой сажени, какъ они снова появлялись на своихъ сторожевыхъ камняхъ и лаяли въ свою очередь на него хриплыми голосами.

Онъ снова возвращался и пропадалъ въ камняхъ. Словно псы дразнили его, мстили ему за то безпокойство, которое онъ причинялъ имъ носясь за ними зимою.

Не меньше нисколько теперь его изводили тюлени.

Теперь не было льдовъ, и они плавали у самаго берега, и стоило только пойти гулять, стоило только постучать камнемъ о камень, какъ они, слышавъ незнакомые шаги, мучимые вѣчнымъ своимъ глупымъ любопытствомъ, высовывали свою круглую, какъ у человѣка, голову на поверхность и плыли къ самому берегу, нюхая носомъ воздухъ.

Другой тюлень даже перепугаетъ васъ, выскочивъ неожиданно у самаго берега и громко отпыхнувшись. Посмотришь: въ сажени — въ двухъ отъ тебя громадная съ усами, фыркающая голова; приследишь — она еще ближе, постукаешь камень о камень — ее еще больше разбираетъ любопытство...

Въ этихъ случаяхъ песъ сходилъ съ ума: онъ, какъ бѣшеный, бросался въ холодную воду, плавалъ на мѣстѣ, гдѣ показался тюлень, смотрѣлъ потѣшно около и потомъ пускался еще дальше, когда тюлень показывался далѣе отъ берега,

чтобы потомъ мокрому вылѣзти на берегъ и заняться потѣшными прыжками къ удовольствію „Машки“.

* *
*

Такъ мы жили съ Яхурбетомъ, пока не пришла пора разлуки.

Разъ утромъ въ комнату ко мнѣ врывается самоѣдъ.

— „Пароходъ идетъ!“ — могъ только крикнуть онъ мнѣ отъ радости. Я кинулся къ окну и, протирая глаза со сна, замѣтилъ вдали на морѣ силуэтъ громаднаго парового судна.

Это былъ русскій, срочный, дѣлающій рейсы на этотъ полярный островъ, пароходъ изъ Архангельска, съ родины Мы ждали его давно, съ грустью думая, что онъ не проберется къ намъ за льдами. Батюшка даже служилъ молебны по этому случаю, видя нескончаемые туманы; по сѣгодня туманъ разсѣялся, и судно оказалось рейсирующимъ у нашихъ береговъ, которые скрывало отъ него облако тумана. Это судно везло намъ провизію и вѣсти; это судно было праздникомъ для острова, которыхъ бывасть только два въ лѣто ¹⁾.

Когда я выбѣжалъ на улицу, тамъ полно было народомъ. Всѣ стояли, съ трепетомъ слѣдя за его маневрами въ заливѣ; на зданіяхъ уже развѣвались флаги, и только Яхурбетъ одинъ не зналъ, какое ждетъ событіе, на встрѣчу которому, привѣтствуя, уже грянула съ горочки наша пушка.

На насъ надвигалась цивилизація, совершенно другой, у насъ позабытый міръ, и какъ-то жутко было предстать предъ нимъ

¹⁾ На Новую землю ходятъ пароходы только два раза въ лѣто, въ іюлѣ въ началѣ сентября.

такими мрачными, обошенными, грязными,—такъ, какъ насъ украсила полярная ночь, еще неисчезнувшая въ нашихъ лицахъ.

Вотъ пароходъ уже входитъ въ гавань. Я торопливо сажусь въ плюпку, чтобы ѣхать на него для встрѣчи прибывшихъ гостей. Яхурбетъ, дрожа отъ страха передъ чудовищемъ, подавшимъ голосъ толстымъ пронзительнымъ гудкомъ, садится тоже; туда же залѣзаетъ наша прятельница, и мы ѣдемъ вполтеромъ съ гребцами-самоѣдами, представляя, должно быть, чисто полярную группу.

— Bravo, bravo,—встрѣчаетъ меня знакомый добрый капитанъ не то отъ радости, что видитъ въ такомъ сообществѣ, не то отъ радости, что видитъ еще живого... И мы по трапу ¹⁾ вваливаемся на пароходъ, встрѣчаемые всѣми, даже не исключая черныхъ кочегаровъ.

Яхурбетъ даже растерялся отъ невиданныхъ многочисленныхъ людей, обступившихъ и разсматривающихъ нашу группу; но „Машка“ была уже въ этомъ отношеніи опытною и смѣло направилась въ сторону кухни, изъ которой что-то парило, зная, вѣроятно, на опытъ, что коки (повара) добрее голыхъ рукъ матросовъ.

Нечего и говорить, что мы были почетными гостями на пароходѣ, благодаря своей зимовкѣ и лишеніямъ, и были предметомъ общаго вниманія.

Яхурбетъ понравился очень многимъ. Нѣкоторые даже находили, что изъ него выйдетъ особенная полярная собака, и быть можетъ кровь чистокровнаго водолаза, смѣшанная съ

¹⁾ Трапъ—лѣстница, по которой поднимаются на пароходъ съ лодки.

кровью самоѣдскихъ собакъ, дать для этого острова особенную породу собакъ, которыя будутъ отличаться мохнатою, красною, кудрявою шерстью, громаднымъ ростомъ и выносливостью, не говоря уже о способности выносить большія тяжести въ упряжкѣ.

Я былъ доволенъ такимъ вниманіемъ и только тайно скорбѣлъ, что мнѣ предстоитъ скоро оставить его тутъ въ одиночествѣ на полтора-два мѣсяца, пока я буду въ дорогѣ и въ Петербургѣ.

Предстояла не совсѣмъ пріятная разлука съ собакой: я чувствовалъ, что въ ней моя привязанность, и если чѣмъ утѣшался немного, то это тѣмъ, что я не подвергну ее въ Петербургѣ наморднику и тѣмъ лишеніямъ, которыя предлагаетъ такимъ собакамъ желѣзная дорога...

Относительно другой привязанности—къ „Машкѣ“ я былъ спокоенъ: она вмѣстѣ со мной ѣхала въ Петербургъ, только съ тою разницею, что ее повезутъ изъ Архангельска моремъ кругомъ Швеціи и Норвегіи, а я поѣду прямо—водою и желѣзною дорогой.

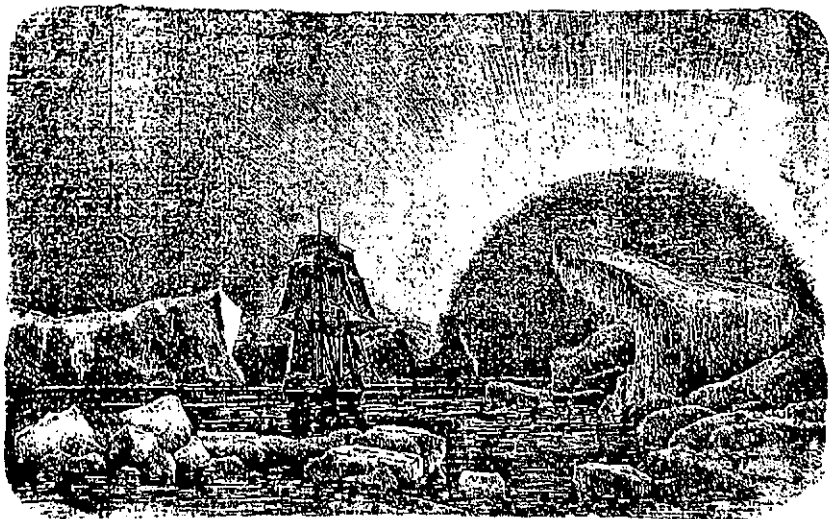
И какъ я ни откладывалъ минутъ разлуки,—она настала.

— „Яхурбетъ! ты останешься въ моей квартирѣ. За тобой будетъ присматривать Кривая бабушка!“ — говорилъ я ему не разъ, передъ самой разлукой, передъ свистками, прощаясь. Но песъ не слушалъ меня и что-то какъ будто предчувствовалъ, видя, какъ пустѣетъ комната, и выносить мои вещи.

— „Яхурбетъ, будь умницей, не гоняйся напрасно за песцами!“ — говорилъ я ему ласково,—но онъ повибривалъ и бросался ко мнѣ на грудь, видимо понимая, что я ѣду.

И бѣжалъ отъ него на пристань, гдѣ уже ждала меня плюпка, оставивъ его съ Кривою бабушкою въ комнатахъ, но онъ вырвался отъ нея и бѣжалъ туда, видя, что я покидаю островъ.

Какъ онъ бѣгалъ по берегу, дожидаясь меня, думая, что я еще ворочусь съ парохода! Какъ онъ рвался ко мнѣ, бросаюсь въ волны съ берега, видя, какъ пароходъ со мною

Въ ледовитомъ океанѣ.

уходить! Какъ онъ былъ страшнымъ голосомъ на берегу, когда мы удалялись дальше!

Потомъ я уже не видѣлъ его, не могъ за нимъ слѣдить, потому что горло сжали рыданія, а глаза застлали слезы.

Знаете, когда въ жизни нѣтъ друзей, привыкаешь страшно и къ собакамъ.

Но я скоро утѣшился: мысль, что песъ среди друзей и сытъ, и дома, на своей родинѣ, меня успокаивала; я вѣрилъ, что собака будетъ цѣла. Красивое море, съ его синими волнами, меня развлекало не мало, а тонущій островъ съ пятнистыми горами, гдѣ все еще не вытаяли, несмотря на лѣто, снѣга, казался такъ оригиналенъ, красивъ таинственнымъ своимъ безмолвіемъ и одиночествомъ, что я имъ залюбовался.

А потомъ, качка морского пути, полярные плавающие льды, туманы, попутныя суда съ темными парусами, летающіе надъ водой и касающіеся крыльями за волны буревѣстники, ныряющіе киты съ фоптанами, стадо бѣлухъ, все это такъ заняло меня, что я только поздно вечеромъ вспомнилъ бѣдную собаку, воображая ее, какъ она чутко прислушивается, лежа у меня на коврикѣ, у кровати.

А потомъ я и совсѣмъ рѣдко сталъ вспоминать пса, — такова привычанность человѣка.

IX.

Я вспомнилъ Яхурбета живѣе и сталъ задумываться о немъ болѣе и болѣе только черезъ полтора мѣсяца, снова на Ледовитомъ океанѣ, слѣдуя къ Новой Землѣ и нашей, казавшейся гдѣ-то далеко, далеко, колоніи, везя Яхурбету красивый стальной ошейникъ.

Чѣмъ ближе я вѣхалъ, тѣмъ больше задумывался: „Жива ли собака? Не случилось ли съ нею какого несчастія? Сыта ли она?“ И словно порою я видѣлъ ее — худую и тощую, то сытую и веселую, скачущую ко мнѣ на шею...

Вотъ горы, снѣгомъ покрытыя, бѣлыя горы; я даже узнаю своего острова. Вотъ, кажется, нашъ заливъ: такъ онъ неизнаваемъ сталъ черезъ полтора мѣсяца, покрытый снова снѣгомъ. Вотъ и наша бѣдная одинокая полярная колонія, гдѣ, видно, на берегу насъ встрѣчаетъ кучка народа.

Я схватываюсь за бинокль и узнаю знакомыя дорогія лица; но неа, нѣтъ, и въ полѣ зрѣнія все самоѣдскія чужія собаки.

„Неужели не выдержалъ, погибъ съ тоски, иль что случилось?“ На сердцѣ какое-то тяжелое предчувствіе, и я печально сажусь и ѣду на шлюпкѣ домой, какъ вдругъ на берегу знакомый голосъ и... собака.

— „Ихурбеты!“—кричу я во все горло. Въ отвѣтъ визгъ и лай собаки, которая бѣгаетъ у самой воды по камнямъ.

— „Ихурбетко!“—кричу я отъ радости и машу рукой н ему и самоѣдамъ, и вижу, какъ собака садится на берегу и воетъ, страшно воетъ...

— „Ихурбеты!“—кричу я еще, и онъ бросается въ холодную воду и плыветъ ко мнѣ, встрѣчая меня уже у пристани, не сводя съ меня темныхъ глазъ, повизгивая не то отъ холода, не то отъ радости, что видитъ меня, наконецъ, съ собою въ лодкѣ.

Онъ мокрый лизалъ мнѣ руки и лицо, и я не отворачивался; потомъ онъ мокрый скакалъ на меня на пристани, когда я здоровался съ самоѣдами и обнималъ старушку самоѣдку—Кривую бабушку.

* * *

Нечего говорить, что это была радостная встрѣча, и она стала еще гораздо радостнѣе, когда мнѣ рассказывала бабушка, что было съ собакой.

Бѣдный песъ скрылся изъ глазъ ея, какъ только скрылся пароходъ, давъ послѣдній прощальный свистокъ берегу. Самоѣды видѣли, какъ онъ бросился было сначала догнать пароходъ, какъ онъ добѣжалъ до мыска, вылъ ужаснымъ образомъ и, наконецъ, бросился въ море; а потомъ онъ пропалъ на четверо сутокъ, и всѣ полагали, что онъ уплылъ въ море и былъ захлестанъ тамъ крупными волнами.

Онъ явился только на четвертый день, явился усталый, голодный, ободранный, и все нюхалъ мои слѣды, все къ чему-то тупко, даже ночью, прислушивался, вскакивая и бросаясь къ двери, когда слышалъ чьи-нибудь шаги... Но, встрѣтивъ чужихъ, тоскливо ворочался, снова укладывался возлѣ кровати на коврикъ и такъ стоналъ, такъ вздыхалъ, что было вчужѣ жалко.

Однажды въ заливѣ показалось судно подъ парусами. Песъ поплылъ къ нему и чуть не утонулъ, заливаемый тамъ, далеко отъ берега, волнами.

Въ другой разъ, наскучивъ ожидать моего возвращенія, онъ почему-то убѣжалъ далеко въ горы и бѣгалъ тамъ весь день, вѣроятно отыскивая слѣды. Самоѣды говорили, что онъ бѣгалъ за полтораста верстъ на Карскій берегъ, гдѣ онъ вмѣстѣ со мною имѣлъ сраженіе съ бѣлымъ медвѣдомъ, и воротился поздно на другія только сутки, все такой же печальный и худой, лишившись пищи и покоя.

Наконецъ, онъ, видимо, успокоился, Бабушка ему твердила, что я возвращусь, и онъ какъ будто понималъ ея увѣренія и все ждалъ меня, все прислушивался и тяжело вздыхалъ, тоскуя одиноко.

Бабушка, добрая бабушка, даже плакала, рассказывая, что

онъ навелъ своею тоскою ея душу; а я сидѣлъ, улыбаясь и гладя рукою голову этого пса, который, казалось, понималъ, что рассказываютъ про его похождения.

На толстой кудрявой шеѣ его теперь красовался стальной никелированный красивый галстукъ, и на немъ даже вырѣзано было: „Яхурбетъ“.

Х.

Теперь мы были неразлучны: песъ не отходилъ отъ меня ни на шагъ; даже ночью слѣдилъ за моими движеніями. Онъ какъ-то быстро изучалъ всѣ мои привычки; когда я бралъ книгу изъ библіотеки, онъ спокойно свертывался на оленьемъ коврикѣ у моихъ ногъ, будучи впередъ увѣреннымъ, что я долго останусь въ покоѣ. Когда я стучалъ въ стѣну, онъ зналъ, что придетъ матросъ и принесетъ мнѣ завтракъ или чаю. Когда я снималъ туфли, онъ уже повиливалъ хвостомъ, предчувствуя, что будетъ прогулка; а когда я брался за патроны и ружье, онъ такъ лапалъ, скакалъ на меня, бросался къ дверямъ, какъ будто торопилъ меня охотиться за псами.

Эти псы рѣшительно, кажется, сводили его съ ума: когда мы выходили на дворъ, онъ стремительно кидался по направлению въ горы, какъ бы говоря, что тамъ его непріятель; и только видя, что я направляюсь въ другую сторону, онъ покидалъ это направление и слѣдовалъ, описывая круги предо мной, по льду залива. Признаться сказать, онъ былъ равнодушенъ ко льдамъ; и когда мы бывали съ нимъ въ далекихъ торосяхъ, у края льдовъ, далеко въ морѣ, онъ не

отходилъ отъ меня на дальнее разстояніе, какъ будто прекрасно помня свою стычку съ бѣлымъ медвѣдемъ. А торосы, бѣлые, похожіе на бѣлыхъ медвѣдей, приводили его порою въ такое смущеніе, что онъ долго лаялъ на нихъ, пока не убѣждался, что это льдина. И тутъ еще обнюхивалъ, обходилъ ихъ кругомъ, какъ бы не довѣря очень зрѣнію.

Но зато въ горахъ онъ чувствовалъ себя прекрасно: не было слѣда, по которому онъ не напелъ бы песка. Порою трудно было его вызвать изъ разсѣлины камня, гдѣ онъ разыскивалъ норы; а когда намъ удавалось подстрѣлить бѣлую лисичку, онъ приходилъ въ такое изступленіе, что нужно было бѣжать и отнимать у него, чтобы она сохранилась сколько-нибудь цѣлой.

И даже дорогою, неся ее на плечѣ, и то нужно было сторожиться, потому что Яхурбету все казалось, что она жива еще и поглядываетъ на него лукавыми глазками, и опъ нѣтъ-нѣтъ щипнетъ ее или потянетъ зубами и частью за лапы.

Однажды въ кухнѣ матросы попробовали его подразнить этимъ животнымъ, зная его слабость. Онъ лаялъ громко, скакалъ на нихъ, потомъ разсердился такъ, что глаза его покраснѣли, налились кровью, и наконецъ озлился до такой уже степени, что изодралъ на одномъ жилетѣ. Когда они увидѣли, что песъ пришелъ отъ этого въ неистовство, они забросили песка на печь, и онъ скакалъ на нее до такой степени, что высунулъ языкъ отъ жару. И тутъ еще не успокоился и сторожилъ весь вечеръ песка, поглядывая какъ бы его достать и уничтожить.

Недаромъ на его мордочкѣ сохранились навсегда слѣды зубовъ этого животнаго, когда онъ было думалъ задушить его, гоняясь кругомъ льдины.

* * *

Наступилъ октябрь; солнце снова стало показываться не надолго въ полдень; море встало, рѣчки тоже; глубокій снѣгъ запорошилъ каменные розсыпи, и я отправился съ Яхурбетомъ снова въ полярную экскурсію, чтобы провѣдать самоѣдовъ въ одномъ далекомъ сѣверномъ заливѣ.

Разстояніе было порядочное, — что-то около полутора ста верстъ. Нужно было захватить порядочно провизіи на случай нечаянной зимовки внѣ колоніи. Собакъ было немного къ моимъ услугамъ, и я припрегъ Яхурбета, который былъ уже такимъ коренникомъ, что ему только завидовали самоѣды. Онъ тянулъ самымъ отчаяннымъ образомъ, — длинная палка, которой править оленей и собакъ самоѣды, никогда не дотрагивалась до него. Его слабые товарищи были назади; онъ одинъ трогалъ съ мѣста тяжелыя, нагруженные санки и, вдобавокъ, рѣшительно не обижался на такое занятіе, и даже посматривалъ впередъ: нѣтъ ли гдѣ бѣлой полярной лисички. И стоило ей только гдѣ подвернуться въ пути, какъ онъ съ лаемъ срывался тогда и не слышалъ уже никакихъ отчаянныхъ окликовъ и такъ увлекалъ всѣхъ псовъ, что крушеніе было неминуемо.

Такъ мы двигались съ нимъ къ сѣверу сутки за сутками, коротая дорогу, — днемъ въ пути, снимая карту, дѣлая замѣтки, наблюдая полярную природу; вечеромъ, при лунѣ, — то же самое, а ночью почувъ прямо подъ открытымъ небомъ.

Выберешь гдѣ-нибудь за вѣтромъ мысокъ, поставишь нарты (санки) угольнымъ образомъ, прикроешь наѣсомъ брезентъ, разведешь огонь, чтобы сварить себѣ съ проводниками чайничекъ, поѣшь мерзлой оленины, спустишь и накормишь тюленьимъ мясомъ собакъ, если есть еще въ запасѣ — пѣтъ, такъ и такъ протерпятъ дня два или три — собаки лягутъ въ снѣгъ, зарывшись на полрину, ты закроешься оленьей шкурою, товарищъ отончетъ ноги снѣгомъ, чтобы не замерзли, и спишь себѣ спокойно, уставши за день, падѣясь, что псы услышатъ приближеніе медвѣдя и не выдадутъ, а ружье, поставленное въ головахъ, не дастъ осѣчки.

Разъ мы даже нашли на дорогѣ, въ Грибовой губѣ, набу для ночевки. Про нее давно уже говорили самоѣды какъ про единственное убѣжище во время дороги и шторма. Изба была нѣкогда, быть-можетъ, столѣтіе тому назадъ, мѣстомъ зимовки какого-то экипажа судна, и самоѣды говорили, что бывали и лѣтомъ у нея и видѣли даже черепа людей, которые умерли тутъ отъ цынги или голода въ старое время. Изба оказалась просто несчастной хижинкой сажени въ полторы длины и въ сажень противоположно; въ сѣняхъ ея трудно было пролѣзть; потолокъ такъ низокъ, что трудно было выпрямиться; дверь была всего одинъ аршинъ въ квадратъ, а печь замѣняла обычная деревенская банная камелка, надъ которой было отверстие, служившее выходомъ для дыма и выѣстъ съ тѣмъ замѣнявшее и окошко.

Половина ея внутри была запята нарами, которыми до того были черны и грязны, пропитанныя дымомъ и жиромъ еще столѣтіе до этого времени, что нужно было постлатъ что-нибудь, чтобы не замараться.

Когда мы добыли огонь и влѣзли въ нее втроемъ, то было тѣсно, а когда тутъ же издумалъ помѣститься и погрѣться Яхурбетъ, то ему пришлось идти по нашимъ спинамъ и головамъ, чтобы пробраться подалѣе на нару.

Скоро и отъ огня костра, и отъ пара нашей мохнатой одежды, и отъ дыханія и испареній такъ было тепло, что мы остались на ночь въ однихъ рубашкахъ.

Вѣроятно въ этомъ отношеніи она и была удачною для полярныхъ зимовокъ, что давала такое тепло, какое дастъ вамъ только развѣ баня.

Когда мы оглядѣлись потомъ то замѣтили еще одно ея совершенно непонятное на первый взглядъ удобство. Нижнее бревно съ той и другой стороны наръ оказалось подвижнымъ, вынималось. Сначала я думалъ, что это для свѣжаго воздуха, но самоѣды объяснили это совсѣмъ иначе. Это—выходъ для лютей, застигнутыхъ тутъ нечаянно бѣлыми медвѣдями, которые спокойно иначе могли зайти зимою на самый потолокъ избушки, продавить его, ворваться въ хижину и передавить людей, или же запереть имъ выходъ черезъ сѣнцы. Тогда-то люди, вылѣзали низомъ, чтобы принять врага рогатиной или пицалю.

И даже попробовалъ вылѣзти такимъ страннымъ образомъ, и Яхурбетъ принялъ въ такое удивленіе, что ему показалось, вѣроятно, будто я исчезъ подъ землю. Но мы почевали изъ этой хижины самымъ благополучнымъ образомъ. Медвѣдя не было вблизи, бѣгали только полярныя лисички, и собаки не разъ гонялись ночью за этими лукавками, которыя всегда настолько нахальны и хитры, что только провѣвай, какъ ужъ утащатъ ремень, шкуру какую, кусокъ провизіи или рукавицу.

Въ эти тревожные моменты одинъ изъ насъ поднимался съ постели и высовывалъ голову въ дымовое отверстіе, а мы спрашивали: нѣтъ ли медвѣдя на крышѣ?

Вскорѣ потомъ мы дошли до залива.

XI.

Въ заливѣ этомъ жили самоѣды. Мы за цѣлыя сутки пути видѣли ихъ слѣды, когда они выѣзжали, вѣроятно, за промысломъ на оленя далеко въ горы; но когда пришли въ заливъ, хотя и свѣтила заря, мы долго не могли опредѣлить, гдѣ было ихъ жилище.

Оказалось, они жили въ чумѣ, который былъ такъ занесенъ сугробами, что отъ него вверху только торчали дымовые колья. По этимъ-то кольямъ, по этому дымку, когда вдумалось имъ затопить, мы и догадались, что тутъ люди.

Это было какое-то чисто допотопное сооруженіе: въ сугробъ вела темная, длинная снѣжная дыра. Когда мы подѣхали,—изъ нея сначала показались собаки, а потомъ вынырнула фигура въ малицѣ, и оказалось, что это и есть выходъ изъ чума на воздухъ въ сугробѣ.

— Что вы закутались такъ?—спрашиваю я вынырнувшего оттуда самоѣда.

— Такъ теплѣе!—отвѣчаетъ онъ и потомъ прибавляетъ, обращаясь ко мнѣ:

— Давай лѣзь—гостемъ будешь!—и словно, чтобы показать мнѣ, какимъ это образомъ надо проникать въ жилище, онъ поджалъ ноги, скатился въ сугробъ и исчезъ, прежде чѣмъ я рѣшилъ, спускаться ли мнѣ ногами впередъ или головою.

Рыинилъ — головою. Лѣтъ на брюхо и скатился въ темноту и уперся головой въ какую-то бочку. Оказалась — съ провизіей. Тутъ былъ у нихъ въ сугробѣ амбаръ, и я поползъ, сопровождаемый повизгиваніями недоумѣвавшаго Яхурбета далѣе, въ темнотѣ, позабывъ даже собаку.

Поляти пришлось порядочно; впереди ползъ самоѣлъ, указывая дорогу и только проползши такъ, въ темнотѣ, мимо собакъ, провизіи, склада дровъ и разнѣй рухляди самоѣдскаго обихода, всего спрятаннаго укропно въ снѣгу, въ норѣ, какъ у кротовъ; я попалъ въ самый чумъ, въ которомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣли у огня, и посмѣивались люди.

Тамъ было даже тепло, въ этомъ снѣжномъ жилищѣ самоѣда, и ничто, ровно ничто не напоминало, что мы въ снѣгу или въ сугробѣ, какъ звѣри.

Но прежде, чѣмъ я могъ вдоволь налюбоваться этой картиною — людей въ шатрѣ, у огня, надъ которымъ уже кипѣли разные котлы и чайники, — случилось нѣчто неожиданное... Въ чумъ, чуть не въ самый большой костеръ, свалился Яхурбетко, который, вѣроятно, напрасно разыскивая меня въ снѣгахъ и не пускаемый туда чужими псами, попалъ въ дымовое отверстіе и сорвался оттуда вмѣстѣ съ снѣгомъ и комьями льда прямо на средину чума.

Визгъ и крикъ дѣтей привѣтствовалъ его на мгновеніе. Надъ огнемъ взвилось громадное облако пара, дыма и пепла; потомъ раздался въ чумѣ взрывъ хохота, и Яхурбетъ предсталъ съ ошпаренными боками, какъ виновный.

Но это несчастное обстоятельство послужило, однако, къ тому что всѣ его полюбили сразу за эту догадливость и

тутъ же рѣшили отвести ему самое почетное мѣсто возлѣ меня, на оленьихъ шкурахъ.

Надо было видѣть его довольную морду, когда онъ тутъ же усѣлся съ нами въ рядокъ, у огня, поглядывая на огонь и думая какую-то песью думу!

Въ этомъ чумѣ, въ сообществѣ двухъ семей самоѣдовъ да десятка ребятъ, которые рѣзвились тутъ, ползая по матерямъ, нашимъ спинамъ, Яхурбету и собакамъ, окруженные десяткомъ другихъ псовъ, помѣщавшихся въ снѣжномъ коридорѣ, въ проходѣ, освѣщаемые днемъ и ночью костромъ, продыmlенные дымомъ его въ вѣтренные дни, мы и должны были съ Яхурбетомъ прожить половину второй полярной ночи. Это было чудное житіе, полное веселья и приключеній. Разсказы охотниковъ не затихали въ чумѣ; въ промежутокъ мурлыкали какія-то пѣсни—импровизаціи самоѣдки; часами шла игра въ карты и шашки у самаго пламени или копящаго ночника; шла чеканка и починка ружей и литье разныхъ пулъ съ заговорами: убить непременно медвѣдя. И это прерывалось безпрестанной ѣдой; утромъ — холоднаго мерзлаго мяса, днемъ — безконечными чаями съ саломъ, мозгами и самоѣдскими лепешками на тюленьемъ жирѣ, а вечеромъ — такимъ обѣдомъ въ котлахъ, на который уходитъ цѣликомъ олень, чуть даже не съ его рогами.

Тихо было относительно только ночью; но и то сонъ прерывался собаками, которыя тихо входили ночью въ жилище и, отыскивая кости, уже обглоданныя людьми, дрались изъ-за нихъ самымъ остервенѣлымъ образомъ, но разбирал, что мѣстомъ драки служатъ спящіе люди.

Тогда горе было и мнѣ и Яхурбету: самоѣды схватывали

первое, понавшееся подъ руку полѣно и хлестали имъ въ темнотѣ по псамъ, а часто и по нашимъ тушамъ, закутан-нымъ въ шкуры.

Тогда добывался огонь; изъ шкуръ вытѣзали самоѣды, голые и лохматые, и съ громкимъ хохотомъ рассказывали, кого и какъ и кто лупилъ, думая, что попадаетъ по псамъ, а не по человѣку.

*.
* * *

Но были дни, когда мы занимались и экскурсіями и охотами, для которыхъ прибыли сюда съ Яхурбетомъ.

Это были чудныя поѣздки.

Еще ночью, — темно еще на дворѣ, — самоѣды объявляли, что сегодня день охоты. Самоѣдки рано разводили огонь и варили намъ чай и готовили горячее мясное кушанье; въ просторные мѣшки наскоро совались патроны, пули, порохъ; у свѣта огня торопливо оттачивались ножи, приносилась теплая одежда, и мы, еще гораздо ранѣе разсвѣта, выходили изъ снѣжной поры и торопливо запрягали собакъ въ сани.

Яхурбетъ самъ давался теперь въ упряжку, вѣроятно привыкнувъ къ новой своей обязанности, и мы, тихо скользя съ высокаго сугроба у берега, летѣли въ темнотѣ, по льдамъ, къ какой-нибудь далекой полыньѣ, дымящейся въ морѣ.

Попадетъ трещина во льду — ничего; попадетъ торось — съ упорствомъ взбираемся; попадетъ тонкій ледъ только-что застывшей полыньи, санки подгибаются, — но насъ быстро выносятъ собаки. И черезъ часъ-два взы — мы гдѣ-нибудь далеко уже въ морѣ. Кругомъ полная тишина и темнота, и

не знаешь, стоишь ты на неподвижномъ льдѣ, или оторвало тебя и несетъ незамѣтно къ океану.

Въ такіе дни были азартныя охоты: тюлень лѣзъ, что называется, на дуло ружья; выстрѣлы гремѣли непрерывно и тонули въ тихомъ воздухѣ, а льды только настанывали отъ движенія воды—прилива или отлива.

Охота на тюленей.

Берегъ льда бывало чернѣть отъ темныхъ тушъ тюленей; другіе попадались—настоящіе гиганты; не успѣвала плавать лодка съ подбирающими звѣрей охотниками, а мысы наѣдались до такой степени, что только лежали и дышали.

*
* *

Не то было въ дни непогоды.

Изъ чума слышно было, какъ посвистывалъ вѣтеръ на волѣ, пороша къ намъ въ дымовое отверстіе, но въ чумѣ въ спѣгу была полная тишина, какъ бы въ могилѣ.

Тогда мы не выходили педѣлями изъ-подъ снѣга; тогда бѣгали провѣдывать только псы и хозяева, что дѣлается на улицѣ, но мы и безъ словъ, безъ доклада, угадывали, что творится тамъ, наверху, когда они возвращались оттуда всѣ въ снѣгу, запорошенные, огребая рукой снѣгъ съ лица и отряхая одежду, съ которой летѣли хлопья снѣга.

Но пройти метели, наступить тихая ночь, и тогда мы съ Яхурбетомъ наслаждаемся воздухомъ столько, сколько хотимъ.

Тогда каждый сугробъ намъ постель, и лежишь на ней и любишься сѣвернымъ сіяніемъ, которое въ такія ночи тамъ безконечно.

Какіе-то огненные столбы двигаются по звѣздному, чистому, ясному небу, развертываются въ ленты и вымпелы¹⁾, разгораются всѣ разноцвѣтными пѣжкими цвѣтами; а то ударятъ вдругъ словно неподвижную ракетой высоко, высоко или вдругъ вспыхнутъ цѣлымъ блѣднымъ облакомъ, которое, видно, какъ таетъ.

Лежишь и любишься, и мысли далеко вверху, въ этомъ непонятномъ доселѣ небесномъ явленіи, въ этой загадочной игрѣ природы свѣта...

А то гуляемъ вдоль низкаго берега, на которомъ выдуло весь снѣгъ вѣтрами, страшной бурей. Гуляемъ часами взадъ

¹⁾ Вымпелъ—узкій и длинный флагъ, поднимаемый на военныхъ судахъ и обозначающій, какому государству принадлежатъ эти суда.

и впередъ, до усталости, погруженные въ какія-то измѣнчивыя, какъ сонъ, далекія отъ берега этой земли, мысли.

*
* *

Разъ, гуляя такъ у мыса, мы было натерѣлись съ Яхурбетомъ порядочнаго страха. Только что было присѣли у камешка и сидимъ окруженные паромъ морского испаренія, въ видѣ густого тумана, какъ вдругъ шаги, явственные тяжелые шаги со стороны моря. Ур-р-р-р,—заворчалъ было Яхурбетъ своимъ сердитымъ голосомъ, но они направляются смѣло въ нашу сторону. Ур-р, ур-р-р, ур-р-р,—пятится онъ немного ко мнѣ, поджавши хвостъ между ногами. Кто-то всходитъ, поднимается съ моря на мысокъ. „Медвѣдь“—думаю я, хватаясь кругомъ, позабывши, что у меня нѣтъ оружія въ рукахъ. Вдругъ бѣлое громадное пятно стало передъ нами среди тумана. Песъ съ визгомъ бросается къ ногамъ, чуть не сшибая меня, и я несусь, несусь за нимъ по направленію къ хижинѣ, чувствуя даже за собой какъ будто ужасную погоню.

Вбѣгаю я въ чумъ и зову самоѣдовъ на звѣря; но, оказывается, вмѣсто медвѣдя, тамъ бродитъ безобидный, дикій олень, который и представился намъ въ туманѣ бѣлымъ мохнатымъ морскимъ чудовищемъ.

*
* *

Такъ жили мы тамъ, зимовали другую зиму съ Яхурбетомъ, даже не думая о будущемъ; между тѣмъ оно словно только поджидало насъ съ своимъ горемъ.

Послѣ Николина дня мы покинули снѣжный сугробъ, гдѣ провели столько времени счастливые, какъ дикари и дѣти;

благополучно миновали знакомый путь, только пролежавши сутки въ одномъ сугробѣ вслѣдствіе бури, и наконецъ счастливо добрались въ колонію, не заблудившись. Мы думали, что тамъ насъ ожидаетъ старая и тихая теплая жизнь уже въ цивилизованной обстановкѣ безъ лишеній, но оказалось, что тамъ ждало насъ горе.

Оказалось, что пришли туда нехорошія вѣсти съ Карскаго, знакомаго намъ съ Яхурбетомъ, берега. Туда еще съ осени ушли самоѣды, чтобы набить оленя, но олень ушелъ куда-то кочуя по острову. Ёсть стало самоѣдамъ рѣшительно нечего; дожидаясь промысла, они поѣли даже свои инкуры; море тоже оказалось негостепримнымъ на этотъ годъ: ни открытой воды, ни полыньи даже не было видно съ возвышенности—съ высокаго горнаго мыса.

Всѣ пришли оттуда, воротились въ колонію голодные и озябшіе; нѣкоторыя семья схоронили даже своихъ дѣтей, погибшихъ чуть ли не отъ голода; на лицахъ самоѣдовъ были слѣды тяжкихъ голодобоковъ и болѣзней, и они выглядывали, какъ выходцы съ другого свѣта—такъ доносили ихъ голодъ и холодъ.

Это было бы еще ничего: всѣ воротились здоровыми. Но горе было въ томъ, что тамъ остался старикъ со старухою и молодымъ сыномъ, который, несмотря на голодъ, ни за что не хотѣлъ оттуда идти, все дожидаясь звѣря и промысла.

Это былъ несчастный Оома съ сыномъ Вапей и со старухою, которой я еще только этой осенью подарилъ прехорошенькаго маленькаго пса, привезеннаго изъ Архангельска, и съ которымъ она никогда не расставалась.

Старику просто было тяжело подниматься на старости и перевалить хребетъ; онъ не хотѣлъ по гордости сознаться товарищамъ въ старческой немощи, и вотъ онъ остался.

Всѣ каждый день поджидали его; всѣ каждый день при-сматривались, не покажутся ли съ востока сани. Но санокъ не было—ревѣли одиѣ бури. Страшныя ревѣли бури, особенныя какія-то въ этотъ годъ, безпрестанныя и сильныя: тяжелыя полѣнья плясали у нашихъ стѣнъ, двери двигались отъ сотрясенія тяжелаго, большого дома, лампадка качалась, распространяя колеблющійся свѣтъ въ моей комнатѣ, портреты шевелились. А печь такъ вздрагивала отъ напора сильнаго вихря, что на это отзывались жалобно часы и не во время били.

И порой самоѣды, сидя у меня въ гостяхъ, среди разговоровъ, вдругъ задумывались, и на ихъ глазахъ наворачивались нескрываемыя слезы...

— Гдѣ-то Оома теперь со старухою? Ужъ живъ ли?— другой разъ скажутъ они, и всѣ замрутъ въ какомъ-то тяжеломъ предчувствіи и сразу затихнуть.

XII.

Какъ вдругъ однажды ночью вбѣгаетъ ко мнѣ самоѣдка.

— „Оома пришелъ!“—а сама дрожитъ вся отъ ужаса и стучитъ даже зубами. Яхурбѣтъ даже завылъ страшнымъ голосомъ, какъ бы предчувствуя горе.

Накпцулъ я на себя скорѣе малицу и побѣжалъ въ другую избу.

Смотрю—огонь. Смотрю—толпа, и въ переднемъ углу, обгладывая кость, сидитъ старикъ въ ужасномъ видѣ. Глаза

навыкать, лицо обросшее; голое тѣло покрыто сажею и представляет какіе-то рубцы; руки худы, ноги — одиѣ кости. Весь трясется. Трясется и только мычить въ отвѣтъ, заляпавшись костью окруженный разспрашивающими самоѣдами. Я даже пошатнулся отъ ужаса; а онъ, увидѣвъ меня, хотѣлъ улыбнуться, но не могъ, и заплакалъ. Слезы побѣжали изъ его глазъ, и онъ сказалъ: „Пронали, баринъ!“

Въ другомъ углу возились женщины, раздѣвая притащенного имъ на плечахъ несчастнаго Ваню.

Онъ былъ неузнаваемъ и только дико смѣялся. У него остались отъ прежняго мальчика только одни голубые задумчивые глаза, остальное все превратилось въ какой-то скелетъ.

Я далъ имъ вина и сталъ разспрашивать старика, но онъ повѣдалъ одно, что они голодали страшнымъ образомъ, и, не попадись имъ олень, заблудившійся какой-то олень, они умерли бы всѣ отъ голода, не выбившись такъ, изъ далека.

— Гдѣ же старуха?—спрашиваю я про знакомую бабушку съ собачкой.

Старикъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря намъ, что она погибла.

Но, оказалось, она была живой: онъ оставилъ ее еще живую на Карскомъ берегу, предварительно закопавъ ее въ снѣгу съ собачкою, укрывъ тамъ шкурами, которыя она ѣла вмѣстѣ съ собачкой, и сказавъ ей, что если они дойдутъ до колоніи, то баринъ спасетъ ее, пославши отыскивать съ собаками.

— Давно? — спрашиваю я — Далеко? — тормошу я старика.

— Версть сотню будетъ, а оставилъ не помню сколько дней,—все въ головѣ попуталось отъ ужаса и голода. Мы двѣ недѣли ничего, пожалуй, не ѣли съ Ваней. Онъ отощалъ такъ, что я притащилъ его волокомъ по снѣгу и сугробамъ.

Мысль, что старуха одна на берегу, еще живая, ждетъ спасенія, какъ будто ударила меня по сердцу. Я собралъ людей и отправилъ ихъ немедленно на розыски; но утромъ заревѣла буря, и они, ночевавъ ночь въ горахъ, явились вновь въ колонию, говоря, что сбились съ дороги.

Рѣшено было отправить другихъ развѣдчиковъ, какъ только утихнетъ буря; но она ревѣла еще нѣсколько дней, пока погода не кончилась, и не стало тихо въ горахъ.

Мы отслужили молебень за здравіе и снова послали съ монахомъ на розыски новыя сапки. Такъ какъ не было довольно сильныхъ собакъ, я пожертвовалъ Яхурбетомъ въ упряжку. Бѣдное животное жалобно смотрѣло на меня, какъ-бы спрашивая, куда гоню я его зимой, полярною ночью, далеко въ горы? Въ его глазахъ была какал-то тревога, соединенная съ покорностью; но я махнулъ ему рукой и сказалъ самоѣдамъ, чтобъ они берегли его, и сапки съ Яхурбетомъ тихо скользнули съ нашего сугроба и скрылись.

Скользнули и исчезли сейчасъ, словно потонувъ въ сумеркахъ полярной ночи.

Они воротились черезъ нѣсколько дней съ полуживую старушкою, которая, дожидаясь, голодная, поѣла не только свою одежду, но даже свою собачку; но съ ними не было, къ ужасу моему, Яхурбета,

— Гдѣ онъ,—спрашиваю я и чувствую, какъ сжимается мое сердце. Самоѣды отвѣчаютъ мнѣ жестоко:

— Остался гдѣ-то въ хребтѣ! Убѣжалъ, какъ поднялася буря! И съ тѣхъ поръ, какъ ни кричали его — не видали! Должно быть пропалъ!

Въ первый моментъ этой вѣсти я не показалъ и вида жалости, но почувствовалъ, что сердце упало. Но ночью не выдержалъ и зарыдалъ и плакалъ всю ночь, запершись отъ людей въ кабинетѣ.

Ночью поднялась буря. Домъ, какъ нарочно, затрясло, какъ вагонъ на дорогѣ, лампадка даже потухла отъ движенія воздуха; въ трубѣ страшно завывало, и мнѣ показался голосъ этотъ такимъ знакомымъ, живымъ, что я даже выбѣжалъ было на улицу, въ надеждѣ увидать тамъ собаку.

Но тамъ только визжало отъ вѣтра и вихрей; погода словно хотѣла натѣшиться надъ чѣмъ-то страданіемъ: глаза, лицо мгновенно запорошило, и я воротился отъ ужаса въ зданіе и съ дикими глазами забился на кровать.

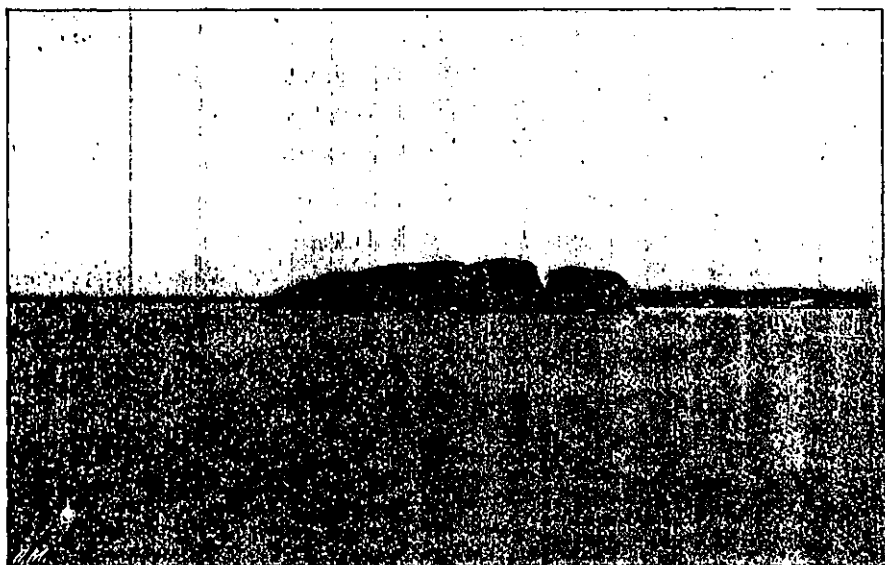
Всю ночь мнѣ представлялся песъ; всю ночь я слышалъ его лай, то вой, то слабыя повизгиванія; казалось, онъ замерзаль и просилъ меня спасти его; но страшно было и подумать объ его спасеніи...

Буря какъ на грѣхъ не утихала цѣлую недѣлю, и я ходилъ по комнатѣ и все прислушивался, проклиная ее и этотъ несчастный суровый полярный островъ.

Самоѣды заходили и говорили мнѣ въ утѣшеніе: одни говорили, что песъ найдетъ весною дорогу; другіе увѣряли, что онъ превратится въ дикое животное, какъ уже превратилось много собакъ на Карскомъ берегу, отставши и послѣ одичавши, третьи говорили, что онъ найдется, отыщется случайно какимъ-нибудь самоѣдомъ.

Однако, я прожилъ еще годъ на этомъ островѣ, получаю до сихъ поръ съ него вѣсточки и не слыхалъ слова объ Яхурбетѣ.

Гдѣ ты, Яхурбетъ, моя милая бѣдная собака? Живъ ли ты, бѣгая однавшій, обросшій и злой по Карскому берегу, занесли ли тебя куда далеко, въ океанъ, плывучіе льды, попался ли ты въ зубы бѣлаго медвѣдя, или сложилъ давно уже отъ голода, страшнаго голода бѣлыя косточки гдѣ-нибудь въ укромѣ мѣстѣ, подъ скалой, вспоминая своего хозяина, который такъ жестоко тебя отправилъ съ чужими людьми въ суровыя, страшныя горы?

Птичій островъ въ заливѣ Моллера.

Птичій островъ.

(Изъ путешествія по Новой Землѣ).

Когда мнѣ бывало скучно на Новой Землѣ, когда меня угнетало мое одиночество, я отправлялся поскорѣе на тихій ближайшій островъ, чтобы разсѣять свое грустное настроеніе среди веселаго говора птицъ и ихъ своеобразной, шумной жизни.

Этотъ островъ былъ недалеко отъ моей колоніи, и когда съ моря дулъ легкій вѣтеръ, когда тихо было на нашемъ полярномъ островѣ, до насъ часто доносились издали голоса

птицъ. и казалось тогда, что это галдитъ, шумитъ народъ въ деревнѣ, покрывая общіе голоса громкими взрывами смѣха...

Эти голоса доносились съ птичьяго острова, который недаромъ самоѣды прозвали „птичьимъ базаромъ“.

Обыкновенно, я отправлялся на птичій островъ въ сопровожденіи моего вѣрнаго пса Яхурбета.

Столкнешь легкую морскую шлюпку, поставишь на нее мачту и парусъ, посадишь пса, положишь ружье, фотографическій аппаратъ и припасы, оттолкнешься отъ берега, и уже легкій попутный вѣтерокъ несетъ тебя, слабо колыхая по волнамъ.

Отъѣдешь версту, двѣ, войдешь въ широкій залпъ острова, и уже тутъ на водѣ, первые вѣстники этого острова бѣлогрудыя, плотныя гагарки. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше встрѣчаются онѣ группами,—и не боятся рѣдкаго здѣсь чело-вѣка, а спокойно плаваютъ тутъ же, почти у самаго борта, съ любопытствомъ поглядывая на тебя сѣрыми глазами, съ любопытствомъ вытягивая свою короткую съ острымъ носомъ головку.

Хлопнешь, бывало, въ ладоши, онѣ даже не шелохнутся; крикнешь имъ—„берегись —онѣ только торопливо отплывутъ на сажень отъ носа лодки и снова спокойно закачаются на волнахъ, снова заныряютъ въ прозрачной, чистой водѣ.

Но вотъ и островъ показался вдали на просторѣ синяго моря, вотъ и ясно уже доносятся съ него тысячи птичьихъ голосовъ. Громадная, расколота поперекъ, высокая, сажень въ десять, скала; внизу во впадинахъ еще лежатъ невытаявшія льдины, и весь островъ, исключая зеленой вершины, весь обрывъ его, скала, еще издали бѣлѣютъ бѣлобрюхими

гагарками, которыя то снимаются тучами и падаютъ на тихую воду, то поднимаются и садятся на эту скалу.

Еще немного пути, и мы уже совсѣмъ окружены птицами. Еще немного времени, и въ воздухѣ уже слышны только одни ихъ голоса. Громкіе, зычныя голоса, которыми онѣ сзываютъ другъ друга. Но голосовъ острова еще плохо слышно; слышно только, какъ порою доносится гулъ, словно, дѣйствительно, тамъ собралась масса народа, какъ на торжествѣ.

Но вотъ, тамъ, съ острова завидѣли приближающаго человека, и видно уже, какъ летятъ къ намъ бѣлыя клуши, и слышенъ зычный крикъ морской чайки, которымъ она такъ отличается въ тысячѣ птичьихъ голосовъ, невольно вселяя въ гагаркахъ тревогу, и онѣ тучами поднимаются въ воздухѣ и снова садятся на островъ.

Теперь надъ нами кружится десятокъ бѣлыхъ клушъ, — онѣ встревожены, что завидѣли въ лодкѣ собаку, и то падаютъ стремглавъ внизъ, готовая ее задѣть крыломъ, то снова поднимаются и кружатся надъ самой лодкой, свистя и размахивая въ воздухѣ громадными сизыми крыльями.

Но вотъ и самый птичій островъ съ его миллионнымъ птичьимъ населеніемъ. Темныя скалы покрыты сплошь птицами, съ ихъ выстуновъ, съ каждаго камешка на насъ смотрятъ тысячи черныхъ глазковъ. Видимо, птицы немного встревожены нами, но еще не летятъ, словно ждутъ чего-то.

Я салютую имъ выстрѣломъ штуцера, и онѣ, какъ туча, проносятся надъ моей головой со свистомъ крыльевъ, а между тѣмъ, на скалахъ будто ихъ и не убыло, такъ много тутъ этой шумной, говорливой птицы.

Это самое красивое зрѣлище: въ первую минуту вы ви-

дите, будто къ вамъ сыплется сверху скала, вы слышите безпрерывный шумъ крыльевъ; но вотъ птица, испуганная вашимъ выстрѣломъ, снова уже садится, снова кричитъ, гагаеетъ, какъ бы привѣтствуя васъ громкимъ, неумолкаемымъ крикомъ.

Вы невольно останавливаете бѣгъ шлопки и засматриваетесь на эту скалу.

Она точно живая, эта скала птицъ, вы почти не видите ея чернаго камня; и издали и вблизи она бѣлая отъ массы видныхъ вамъ бѣлыхъ брюшковъ птицъ, которыя сидятъ тутъ на каждомъ выступѣ, прижавшись грудью къ бѣлымъ камнямъ, и гогочутъ.

Но самый верхъ скалы занятъ хозяевами этого острова, — морскими чайками. Бѣлая фигура ихъ со сложенными красиво крыльями, словно часовые сторожатъ свою гору.

Мы плывемъ дальше и доплываемъ до края этого небольшого острова, который оканчивается красивой сквозною пещерой.

Это самое оживленное и красивое мѣсто птичьяго базара, и я всегда любилъ проплывать въ эти водяныя ворота, въ которыхъ въ тихое время какъ-то сразу замолкалъ шумъ голосовъ птицъ, чтобы черезъ минуту снова оглушить васъ своимъ шумомъ.

Возлѣ этой-то красивой скалы я всегда и приставалъ.

*
* *

Вотъ и самый птичій островъ, царство птицъ.

На верху — ровная, покатая къ бокамъ, зеленая равнина, покрытая травой. По этому газону всюду цвѣточки маргаритокъ, и глазъ невольно останавливается на этомъ миломъ

скромномъ украшеніи. Цвѣточки мака, низенькіе здѣсь, какъ вся растительность на этомъ полярномъ островѣ, красиво отѣняють каждый камышекъ, подъ защитой котораго они укрылись, подъ пригрѣвомъ котораго они тутъ выросли.

Но не успѣли вы сдѣлать нѣсколько шаговъ по этой зеленой площадкѣ острова, какъ, словно изъ-подъ земли, вылетѣло нѣсколько пугливыхъ птицъ.

Но это уже не тѣ, что мы видѣли на обрывѣ острова, это повоземельскія сѣрыя гаги. Вы замедляете шаги, всматриваетесь дальше и съ трудомъ различаете сидящихъ на яйцахъ самокъ, которыя искусно создали себѣ низкія, теплыя гнѣздышки, и искусно скрыли свою нестренькую, словно мохъ, окраску. Шагъ, два, и вы почти подъ ногами видите эту птицу, которая слилась почти съ зеленоватымъ мхомъ. Но одно неосторожное движеніе, и птица уже побѣжала; одинъ неосторожный жестъ, и она уже въ воздухѣ, и передъ вами только ея гнѣздо, въ которомъ она спрятала въ мягкій, нѣжный пухъ свой яйца или пушистаго сѣренькаго птенца.

Собака давно уже на стойкѣ, но я не обращаю на нее вниманія; когда же она горитъ желаніемъ схватить прижавшагося дѣтеныша, я ее строго окликаю, и виноватый пестъ невольно поджимаетъ хвостъ и отходить въ сторону, чтобы снова наткнуться на другую птицу.

Но охота рѣшительно сегодня не удастся моей собакѣ, — ее беспокоятъ чайки, и она съ тоскою посматриваетъ на эту докучливую птицу, которая вотъ-вотъ готова опуститься со всѣмъ и вѣсть въ ея мохнатую спину.

Но мнѣ не хочется слѣдить за собакой: во мнѣ невольно загорается любопытство, и я опускаюсь у перваго же замѣ-

ченнаго во мху гнѣзда гаги, которая только что взмахнула и отлетѣла не больше какъ на сажень отъ гнѣзда.

Гнѣздо спрятано отъ глазъ въ небольшомъ углубленіи и искусно убрано мхомъ, водорослями и покрыто сѣрымъ перомъ и пухомъ.

Этотъ пухъ и перья птица выдергиваетъ изъ своего брюшка, и ея голубовато-зеленоватыя, слегка крапленныя яйца красиво лежатъ въ этомъ сѣромъ, пушистомъ одѣяльцѣ, которое предохраняетъ ихъ отъ холода.

Вы трогаете осторожно одно яичко и чувствуете еще теплоту только что улетѣвшей птицы. Ихъ четыре въ этомъ гнѣздышкѣ, но птенцовъ вѣроятно выйдетъ меньше, потому что у этой птицы много кругомъ враговъ. Вы видите, какъ на пустыя гнѣзда опускаются, только и ожидающіеся этого момента, чайки, схватываютъ яйца, уносятъ ихъ и тутъ же передъ вашими глазами долбятъ и выпиваютъ ихъ.

Это возмущаетъ васъ, какъ охотника; вы невольно дѣлаете выстрѣлъ, и пара большихъ хищниковъ со свистомъ падаетъ на землю, сзывая своимъ паденіемъ массу другихъ подобныхъ хищниковъ, которые поднимаютъ страшный крикъ надъ вашей жертвой.

Но теперь онѣ ужъ осторожнѣе, эти прозванные норвежцами „бургомистры“, и, боясь огня, выше поднимаются надъ вами въ воздухъ и не смѣютъ опуститься близко.

Но гаги, словно не слышали этихъ выстрѣловъ, и спокойно продолжаютъ сидѣть почти подъ самыми вашими ногами.

Вы идете дальше по острову и сворачиваете, наконецъ, къ его высокому обрыву. Передъ вами чудное, тихое, едва

волнующеся сегодня море. Дальний горизонтъ почти слился въ прозрачномъ воздухѣ, и только видно, какъ колыхнется тамъ что-то, не то волны моря послѣ зыби, не то волны прозрачнаго текущаго надъ моремъ теплаго воздуха.

Но шумъ голосовъ подъ вашими ногами сразу привлекаетъ ваше вниманіе, и вамъ кажется, что вы вошли въ обширное зало, полное публикой.

Обрывъ гагарокъ

Тамъ, внизу, подъ ногами, на темныхъ камняхъ — цѣлое море гагарокъ, по выступу цѣлыя ихъ тысячи, и вы невольно заглядываетесь на нихъ, садитесь на первый свободный выступъ и смотрите на эту своеобразную, шумную жизнь птицъ.

Боже, сколько ихъ тутъ вотъ подъ самыми вашими погами, и какія онѣ красивыя, какія онѣ милыя, смиренныя, ручныя, со своими сизыми спинками и головами, со своими черными острыми клювами и любопытными смѣлыми глазами, которыми онѣ смотрятъ на васъ, словно чего-то отъ васъ ждутъ, и, видя, что вы не сдѣлаете имъ вреда, сразу успокаиваются и замолкаютъ.

Вы выглядываетесь въ нихъ и замѣчаете, что почти у каждой изъ нихъ между лапками по крупному, спрятанному наполовину въ пухъ, прижато къ теплой скалѣ яичку. И вы видите, какъ онѣ берутъ его, какъ нѣжко прижимаютъ его къ этой темной скалѣ, которая болѣе всего нагревается лучами яснаго, теплаго солнышка. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ недалеко отъ васъ, и вы можете свободно достать ихъ своей тросточкой. Но вамъ жалъ ихъ обезпоконтъ, и вы только смотрите на эту милую птицу, любуетесь на нихъ:

Но вотъ на обрывѣ камня началась борьба: птицы дерутся за мѣсто, спихиваютъ другъ друга; вотъ полетѣло и разбилось внизу о камень яичко, вотъ летитъ за нимъ и слѣдующее, и обезумѣвшія птицы быстро награждаютъ другъ друга ударами крыльевъ и клювомъ. Еще моментъ этой злобной схватки, и оба врага валятся подъ скалу, сталкиваютъ въ своемъ стремленіи другихъ, а на шумъ ихъ голосовъ уже кружатся надъ ними хищные поморники, готовые воспользоваться ихъ оплошностью, чтобы подобрать яйца или беззащитныхъ птенцовъ.

Эти „бургомистры“, эти „клуши“—пасторціе разбойники острова: они, повидимому, и живутъ только тѣмъ, что сидятъ, выстроившись въ ряды на самомъ обрывѣ, зорко слѣдя, не останется ли гдѣ яйцо или дѣтенышъ, чтобы въ одно

мгновеніе броситься оттуда на жертву и схватить ее, и съ радостнымъ крикомъ унести свою добычу.

Между тѣмъ, пострадавшая не видитъ всего этого и, возвратившись съ моря обратно, стремительно напускается на свою мирную сосѣдку, воображая, что это она воспользовалась ея отсутствіемъ и взяла и прижала къ скалѣ ея собственное яичко. И вотъ, между птицами снова схватка, снова жестокое побойще, въ которомъ яйца летятъ внизъ, дѣтеныши сталкиваются въ воду, и происходитъ общая суматоха, которая на руку зоркимъ хищникамъ.

Но не всюду такое воинственное оживленіе: порой попадаютъ мирные уголки, гдѣ птицы совершенно спокойно выводятъ птенцовъ. Такія мирныя колоніи часто попадались мнѣ по одну сторону острова, гдѣ слоеніе шифернаго сланца словно нарочно для нихъ оставляло маленькія своеобразныя терраски, по которымъ птицы могли даже прогуливаться въ минуты отдыха.

Здѣсь особенно хорошо можно было наблюдать ихъ тихую жизнь, можно было видѣть весь ихъ домашній обиходъ, всѣ ихъ домашнія привычки: то онѣ тихонько, съ самоотверженностью пстыхъ матерей, выдергивали изъ своего брюшка перья, чтобы прижать яичко ближе къ тѣлу, или кормили своихъ маленькыхъ въ пестромъ пуху дѣтенышей, припосы имъ съ моря цѣлый ротъ мелкой морской рыбы.

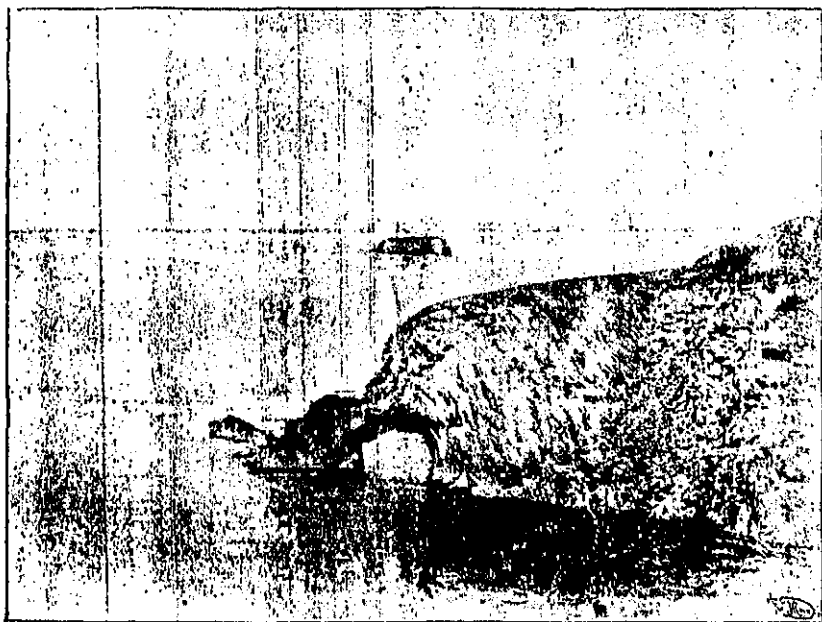
Но всего интереснѣе было смотрѣть, какъ птицы спускали въ море своихъ маленькихъ дѣтенышей. Это былъ, видимо, праздникъ всего птичьяго „базара“, и я не разъ наблюдалъ, какъ на него слеталось до сотни постороннихъ птицъ. Вѣроятно, потому что птицамъ трудно было охранять дѣтенышей,

онѣ очень рано спускали ихъ въ море. Дѣтенышъ только что еще вышелъ изъ яйца, онѣ только еще поднялся на свои маленькія лапки, какъ уже мать безжалостно сталкиваетъ его со скалы прямо въ море, а птенецъ въ испугѣ лѣзетъ подъ крылья матери, что-то крича, въ испугѣ мечется по родной площадкѣ и прижимается къ камнямъ. Но ему недолго приходится тутъ отсиживаться; матери не хочется его кормить, и голодъ снова заставляетъ его выйти изъ родного убѣжища. Стоитъ только ему подойти къ краю скалы, какъ мать снова начинаетъ его тихонько сталкивать, что-то ему ласково говоря, и глядишь, онѣ уже какъ камень падаетъ внизъ со страшной для него высоты прямо въ kloкочущее море.

Вы думаете, что онѣ убили о скалу, вы думаете, что онѣ ударился до смерти о волну, — ни чуть не бывало! Черезъ секунду, вы уже видите его въ прозрачной водѣ, на поверхности моря, и къ нему бросается цѣлая стая кричащихъ гагарокъ, вмѣстѣ съ матерью; всѣ онѣ начинаютъ зычно кричать ему, чтобы онѣ плылъ дальше отъ бурнаго берега, словно предупреждая его объ опасности. Берегъ, дѣйствительно, опасенъ: вы видите, какъ дѣтеныша высоко подбрасываетъ волна; вы видите, какъ она грозитъ его бросить на камни; но его во время спасаютъ взрослые птицы, и черезъ минуту, онѣ уже далеко отплываетъ отъ скалы, и цѣлая орава крикливыхъ гагарокъ начинаетъ надъ нимъ хлопотать, то схватывая его за голову и заставляя его нырять, то просто падая на него, чтобы онѣ отъ испуга поскорѣе скрылся въ воду. И дѣтенышъ, маленький какъ комочекъ пуху, безпрестанно ныряетъ въ водѣ и уплываетъ дальше и дальше въ море, сопровождаемый крикомъ большихъ.

И через полчаса малютка уже далеко въ открытомъ морѣ: онъ надолго покидаетъ родной островъ, уплывая все дальше и дальше, и долго еще видно, какъ его окружаетъ толпа взрослыхъ птицъ; долго еще видно издали, какъ онѣ ведутъ его въ открытое море...

Какъ тамъ, въ открытомъ, порою страшно бурномъ морѣ, пробиваются въ первое время эти маленькіе дѣтеныши, неиз-

Скала топориковъ.

вѣстно; но моряки намъ не разъ передавали трогательные рассказы защиты ихъ отъ непогоды взрослыми гагарками, которыя во время бури старались ихъ держать около себя и даже, случалось, принимали ихъ къ себѣ на спины, гдѣ птенцы

сидѣли, уткнувшись въ перышки матерн, еле-еле удерживаясь, когда хлестали ихъ страшныя волны.

Можно себѣ представить, какую суровую школу проходили эти птенцы со сколькими невзгодами и опасностями приходилось имъ бороться въ дѣтствѣ! Но зато какими сильными выростали они! Мнѣ не разъ самому приходилось удивляться выносливости этихъ сильныхъ птицъ, когда онѣ цѣлыми днями въ бурю держались на поверхности воды, когда ихъ смывали со своихъ вершинъ волны, подъ которыми, казалось, онѣ такъ же хорошо себя чувствовали, какъ и на поверхности, бодро всплывая на гребни, не зная устали.

Но эти гагарки, эти пингвины, эти чайки поморки—далеко не все населеніе „птичьяго базара“. Тамъ есть любопытные уголки и съ другими птицами, на этомъ же островѣ была одна скала, которую прозвали самоѣды „скалою топориковъ“. И дѣйствительно, тутъ жили птицы особой породы пингвиновъ-гагарокъ, съ оригинальнымъ, красноватымъ, толстымъ носомъ, который походитъ на топорикъ, и съ такимъ красивымъ опереніемъ, которое сразу ставитъ эту птицу выше всѣхъ другихъ породъ пингвиновъ.

Меньше ростомъ обыкновенной гагарки, почти стоящая на коротенькихъ хвостахъ, съ желтоватыми голыми лапками, съ бѣлой грудью и съ сизой окраскою головки, на которую словно надѣта черная шапочка, и съ оригинальнымъ, широкимъ, плоскимъ носомъ, украшеннымъ свѣтлыми и желтыми бороздками, эта птица-топорикъ всегда привлекала мое вниманіе. Я долго засиживался, долго слѣдилъ, какъ птица-топорикъ, сначала спугнутая, кружилась около меня; я даже, случалось, прятался отъ нея между кочками и камнями со

своимъ фотографическимъ аппаратомъ, чтобы дожидаться того времени, когда она снова выстроится въ ряды гдѣ-нибудь поблизости на выступѣ камня и снова займется своимъ дѣломъ,— красивая въ своемъ нарядѣ и оригинальная по своимъ милымъ движеніямъ,— чтобы наблюдать ее, уловить минуты ея свободной мирной жизни.

Милыя полярныя птички! сколько минутъ истиннаго наслажденія онѣ доставили мнѣ на этомъ птичьемъ островѣ!

Эти милыя птички-топорики такъ же, какъ и гагарки, питаются рыбою; дѣтенышей своихъ онѣ высидываютъ въ глубокихъ расщелинахъ камней и скалъ.

Вѣроятно потому, что для нихъ гнѣзда требовались каменные трещины, топорики и жили въ такой части этого маленькаго островка, которая болѣе всего подвергалась разрушенію моря.

Это была интересная скала, гдѣ камни уже на половину обрушились, подмытыя волненіемъ, гдѣ скала уже на половину осѣла и повалилась въ море, образуя въ одномъ мѣстѣ такой красивый сквозной гротъ, сквозь который всегда такъ и хотѣлось проѣхать на шлюпкѣ, если бы только не было опасности отъ волненія и подвижныхъ камней.

Тутъ же, рядомъ, въ той же скалѣ, въ такихъ же трещинахъ, жили и зимовщики этого острова,— черныя лѣтомъ и бѣлые зимою,— чистяки.

Это была совсѣмъ смиренная птичка, которая, казалось, даже любила человѣка.

Черная, съ острымъ, какъ у гагарки, носикомъ, съ красноватыми лапками и бѣлымъ пятномъ на крылѣ, она—много меньше топорика. Ее можно было всегда встрѣтить и на морѣ, и на этомъ

островъ и даже у самого берега, гдѣ она привольно плавала, всегда что-то жалобно посвистывая, словно жалуясь на что-то.

Птичку эту особенно интересно было наблюдать зимой

Охота на пингвинами.

на льдинахъ полуоткрытаго моря. Только что, бывало, и кажешься тамъ на маленькой лодочкѣ, выѣхавъ въ полярн

сумерки въ море, какъ, откуда ни возьмись, уже чистикъ тутъ и съ жалобнымъ пискомъ кружится въ воздухѣ около лодочки, подплываетъ къ ней, весь рябчатый, съ краснымъ красивымъ клювомъ, и ныряетъ, пищитъ, гоняется за лодочкой, словно жалуюсь человѣку на долгую, суровую зиму и на свое холодное въ скалѣ гнѣздо, гдѣ онъ долженъ скрываться въ продолжительныя и убійственно долгія, зимнія бури.

Но теперь, лѣтомъ, онъ уже въ другомъ нарядѣ, — весь черный, какъ и его скала изъ шифера; только красный клювъ и лапки еще напоминаютъ его зимнюю окраску.

Этотъ чистикъ тоже живетъ въ скалахъ подобно топорикъ, и тоже, какъ и онъ, кладетъ тамъ яички, выводитъ дѣтенышей, которые послѣ улетаютъ и уплываютъ въ море.

На этомъ же птичьемъ островѣ есть и еще нѣсколько любопытныхъ, безобидныхъ жителей, которые гнѣздятся среди общей массы гагарокъ.

Это нѣсколько породъ чаекъ, изъ которыхъ самой любопытной была для меня трехпалая, маленькая, съ черной головкой, чайка, которая вила, какъ ласточка, гнѣзда на самыхъ неприступныхъ обрывахъ. Эти обрывы, эти отвѣсныя скалы съ рядами прилѣпленныхъ гнѣздышекъ, эти безшумно летающія снизу чайки, бывало, также меня увлекали, какъ и колонія топориковъ, и я просиживалъ тамъ цѣлыми часами.

Но это уже было не то оживленіе, какъ у гагарокъ, это уже была другая, болѣе тихая, мирная жизнь.

Такова была картина этого птичьяго острова, которой я такъ часто любовался. Но не всѣ прїѣзжаютъ сюда только ради наблюденія и любопытства: большею частью сюда являлся человѣкъ за промысломъ, и тогда островъ сразу

мѣнялся, все его миллионное населеніе узнавало тогда хищника-человѣка.

На этотъ птицій островъ приплывали семействами за промысломъ самоѣды. И лѣтомъ, и ранней весной, и поздней осенью они являлись сюда за яйцами и птицей. Это былъ ихъ птицій дворъ, и нужно было видѣть, какъ они приплывали сюда со своими большими лодками, нужно было видѣть ихъ, какъ они выходили сюда съ веревками и окровавленными мѣшками, какъ они набрасывались на гнѣзда гагъ, на гнѣзда гагарокъ,—нужно было все это видѣть, чтобы узнать, какъ жадепъ человѣкъ!

И птица прекрасно знала эти набѣги самоѣда, и уже, бывало, издали, слышавъ его, летѣла съ крикомъ, чувствуя несчастіе, поднималась высоко въ воздухъ съ неистовымъ крикомъ, предвидя свое разореніе и гибель. И дѣйствительно, самоѣды не пользовались расчетливо этими даровыми богатствами природы, а хищнически разоряли ихъ, разоряли самымъ варварскимъ способомъ, отнимая у бѣдныхъ гагъ не только яйца, но и гнѣзда, и птенцовъ. Въ какіе-нибудь полчаса островъ былъ обобранъ. Можно было видѣть, какъ самоѣды лазили на скалы для сбора яицъ, повисши на веревкахъ вдоль скалъ надъ уступами. Они ходили по карнизамъ, отбирая яйца, убивая палкой птицу или просто схватывая ее за горлышко, когда она прижимала свое яйцо къ скалѣ, отбиваясь отъ нападенія, словно надѣясь еще прогнать человѣка своимъ крикомъ. И птица, и яйца ихъ не столько попадаютъ въ руки человѣка, какъ разбиваются объ острые камни.

Черезъ какой-нибудь часъ-два уже мѣшки самоѣдовъ наполнены убитыми палками и задавленными руками птицами,

корзины полны яйцами, и гордый человѣкъ, торжествуя надъ природой, отправляется на свои лодки и плыветъ въ свою колонію, къ своему чуму, довольный, что онъ убилъ тысячу птицъ и разорилъ болѣе тысячи гнѣздъ...

Все это онъ послѣ, у себя въ чумѣ, очиститъ, сваритъ и поѣстъ, и не только самъ, но накормитъ и свою собаку, наваливая въ котелъ десятки птицъ и сотни яицъ?

И, обыкновенно, всегда убѣгалъ отъ этого тяжелого зрѣлища; мнѣ стыдно было за человѣка, за его кровожадность, за его безрасчетность наконецъ... Нужно человѣку чѣмъ-нибудь прокормить себя,—и возьми отъ природы, сколько требуется тебѣ,—возьми расчетливо, безъ озорства. Нѣтъ,—человѣкъ давитъ птицу руками и ногами, бьетъ ее о скалу, топчетъ гнѣзда и яйца, словно обезумѣвши среди этого отчаяннаго птичьяго крика и потоковъ крови, которая льется по скаламъ.

Кончили хищники-самоѣды свое разореніе, сложили въ свои лодки тысячи жертвъ, подняли паруса. Замолкли ихъ крики и лай собакъ, и перепуганныя птицы, избѣжавшія смерти, снова усаживаются на свои скалы. Тысячи ихъ снова мирно плаваютъ у самаго скалистаго берега. О бывшемъ здѣсь разореніи говорятъ только тревожные крики птицъ, которые будто укоряютъ человѣка за его алчность.

Послѣ хищника-человѣка развѣ только бѣлый песецъ еще потревожитъ эту мирную жизнь; песецъ забирается сюда обыкновенно еще ранней весной по льду, въ вѣрномъ расчетѣ, что ему можно тутъ смѣло вывести и прокормить свое многочисленное и прожорливое семейство.

Но разбой песка, хотя и постоянны, но куда вѣжливей человѣческихъ: онъ не грабитъ днемъ, а прокрадывается ночью.

и не нападаетъ открыто на птицу, а подстерегаетъ ее и тихонько уносить. Онъ возьметъ себѣ ровно столько, сколько ему нужно, чтобы прокормить себя и свою семью.

Я не разъ, сидя на обрывѣ птичьяго острова, наблюдалъ эти вылазки маленькаго, бѣлаго хищника. Онъ крался, какъ настоящій воръ, ползъ къ замѣченному низкому гнѣздышку и подолгу выжидалъ, запавши за какимъ-нибудь камешкомъ, чтобы броситься, когда птица слетитъ съ гнѣзда. Въ одинъ ловкій прыжокъ онъ хваталъ ея пестрое личко и несъ его къ дѣтямъ, которыя уже въ нетерпѣніи отъ вѣчной своей прожорливости давно выбѣгаютъ на берегъ изъ своей норы и пастораживаютъ длинныя ушки, прислушиваясь, удастся ли хищничество ихъ матери. Далеко встрѣчаютъ они мать, мурлычатъ, виляютъ хвостомъ, слѣдуя за ней въ свою нору, чтобы потомъ стѣсть добычу и снова выбѣжать за маткой, снова ожидать слѣдующаго промысла, на который сами они еще не смѣютъ пуститься.

Если убивалась случайно гагарка, если вмѣсто яйца попала въ зубы песка сама птица, то нужно было видѣть, какъ маленькіе песцы рвали ее съ дракой у своей норы и пускали пухъ и перья по вѣтру.

Раннею весною въ апрѣлѣ, а иногда и въ маѣ, море у этого острова еще не вскрывается отъ льда. Птица, тучами летѣвшая на островъ въ безвѣтреиную погоду, при малѣйшемъ испугѣ прямо валится на ледъ, и такъ какъ крылья у нея короткія и слабыя, то она и ждетъ вѣтра, который поможетъ ей подняться на воздухъ.

Вотъ тутъ-то и пользуются маленькіе бѣлые хищники, живо нападая на безпомощную птицу.

Я видалъ не одинъ разъ такіе разбои и, когда издали слышалъ плачущіе голоса этой птицы, обыкновенно спѣшилъ туда на выручку.

Скала пингвиновъ.

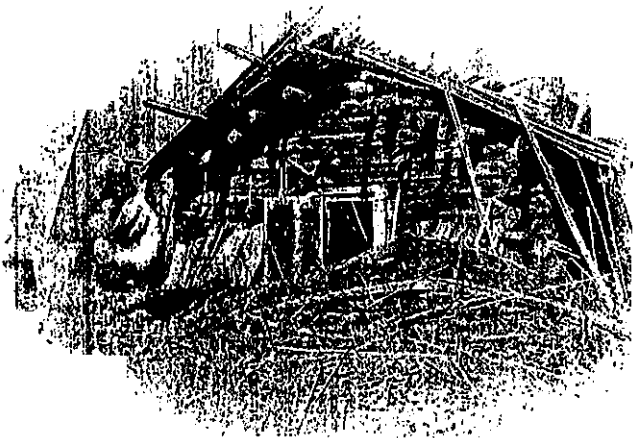
Песцы, собравшись по нѣскольку штукъ, травили какую-нибудь отсталую отъ стада гагарку, подкрадывались къ ней, быстро бросались, насакивали на нее и рвали ее за кры-

лышки. Сначала гагарка пробовала отбиться отъ нихъ своимъ острымъ клювомъ и лапами, въ крайнемъ случаѣ бросалась на спинку и отбивалась лапами, но они ее преслѣдовали, и вотъ послѣ долгой борьбы, птичка ослабѣвала, и тутъ-то зубы хищника впились въ ея шейку.

Порой такъ погибали десятки и даже сотни птицъ. Порой у островка стояли такіе душу раздирающіе крики, что, казалось, стонетъ гдѣ-то и зоветъ на помощь ребенокъ. И я всегда спѣшилъ къ бѣднымъ птицамъ со своею собакой, которая быстро разгоняла хищниковъ.

Такова жизнь этого птичьяго острова, называемаго самонадами „птичьимъ базаромъ“, куда я такъ любилъ ѣздить въ минуты горя или раздумья.

Послѣ каждой такой поѣздки на островъ, обыкновенно, долго еще стоялъ въ моихъ ушахъ крикъ птицы, и въ глазахъ мелькали фигуры ихъ, сидящія и летающія, и послѣ того уже мнѣ не было такъ жучно въ моемъ одиночествѣ, словно я побывалъ гдѣ-нибудь въ обществѣ или повидался съ близкими людьми.

Эбдушка-вогуль и его вьуки.

(Изъ путешествія по рѣкѣ Кондѣ).

Это было въ самой вершинѣ рѣки Конды, въ самомъ глухомъ, далекомъ углу вогульского края, когда я въ 1892 году забрался туда съ весны, чтобы видѣть весь расцвѣтъ его природы среди лѣта. Мнѣ говорили мѣстные жители, что это самое удобнѣе мѣсто, и хотя тамъ почти нѣтъ людей, хотя тамъ почти уже край свѣта, по тамъ есть чудное озеро, на берегу котораго осталось еще нѣсколько маленькихъ юрточекъ, въ которыхъ можно будетъ укрыться на лѣто.

За сто верстъ до озера Оронъ-туръ идутъ такіе лѣса, такая глушь, что кругомъ ни души человѣческой...

Бденъ шѣлый день по этому лѣсу, плетешься иногда безъ малаго свѣтъ. пока доберешься до человѣческаго жилища и то замѣтишь его среди лѣса или по мелькающему межъ деревьевъ огоньку или ужъ тогда, когда неожиданно стануть лошади, и ямщикъ скажетъ: „пріѣхали, вылѣзай“.

Вылѣзешь изъ дорожныхъ санокъ, пойдешь по сугробамъ къ хижинѣ и, дѣйствительно, увидишь ее во всей ея прелести, полузанесенную снѣгомъ. Залѣзешь въ юрточку, и найдешь тамъ огонекъ и людей, которые съ удивленіемъ смотрятъ на тебя, недоумѣвая, откуда это взялся незнакомый, чужой человѣкъ, котораго они сроду не видали.

И обрадуются люди, что нашелся еще на свѣтѣ человѣкъ, которому любя ихъ милая природа, и такъ обрадуются, такъ весело и дружелюбно смотрятъ, готовые угостить вась, если бы только хотя что-нибудь у нихъ было. Но угостить, какъ на грѣхъ, нечѣмъ: рыба не ловится въ рѣкѣ, убить птицу — нѣтъ пороха.

Вотъ такъ-то по снѣжнымъ сугробамъ, безъ дороги, мы и доѣхали, наконецъ, до озера Оронъ-туръ,—цѣли нашей дальней поѣздки.

Это было какъ разъ наканунѣ нашего Благовѣщенія, и хотя былъ мартъ мѣсяцъ, хотя солнышко радостно смотрѣло на землю, и по небу гуляли веселыя, перистыя облачка, но маленькія юрты Оронъ-туръ-пауля мы нашли подъ снѣгомъ, и ни сосновый боръ, который стоялъ кругомъ этого озера, ни самое озеро, спавшее подъ бѣлой пеленой снѣга, ни самое жильє человѣка, ровно еще ничего не говорили о приближеніи весны, которая словно запоздала гдѣ-то и, быть можетъ, недалеко за этимъ темнымъ, мрачнымъ лѣсомъ.

Въ этихъ-то юрточкахъ въ Оронъ-туръ-паулѣ, который всего-на-всего состоялъ изъ двухъ избъ и одной старой хижины среди лѣса, я и встрѣтилъ старика вогула Савву съ его

внучатами, которые потомъ сдѣлались моими закадычными друзьями.

И увидѣвъ его тотчасъ же, какъ только мы пріѣхали къ этимъ юрточкамъ, и насъ пригласили вогулы зайти въ первую избу.

Какъ сейчасъ, помню эту избу вогуловъ: темная, большая, съ грязнымъ поломъ и громадною, битою изъ глины, печкою, впереди столъ и надъ нимъ закопченный образъ, тѣ же лавки, какъ у нашего крестьянина, тѣ же голыя стѣны изъ бревенъ, та же печь съ помѣщеніемъ и полатями, только лица ея обитателей не русскія. все черныя, скуластыя, — черные, грубые волосы, черные, бойкіе, любонитные глаза и маленькій приплюснутый носъ. Одежда — армякъ, ситцевая рубашка, платье, кофточка, платочекъ, — все было чисто русское, но надѣтое на грязное, никогда, кажется, не мытое тѣло. И я сразу почувствовалъ себя дома среди этихъ дикарей, которые подкупили меня своимъ радушіемъ и гостепріимствомъ.

Осматривая обстановку, я замѣтилъ на нарахъ у самыхъ дверей страннаго старика, который сидѣлъ, поднявъ голову немного вверхъ, и не то вслушивался въ наши разговоры съ хозяевами, не то всматривался въ темный потолокъ, раскрывъ свои прищуренные, узкіе глазки, видимо, съ жадностью ловя каждый звукъ нашего голоса.

Въ первый моментъ я не замѣтилъ, что онъ слѣпой, и только потомъ, когда взглянулъ въ его лицо, это мнѣ стало яснымъ, и я спросилъ хозяина:

— Твой отецъ?

Смотрю, Савва, слышавъ, что о немъ говорятъ, какъ-то вострепнулся.

— Нѣтъ, чужой, изъ другихъ юртъ будетъ, только мнѣ его отдало общество: „корми,—говорить,—ослѣпишь, тебя кто-нибудь также прокормить“—и я взялъ его, съ тѣхъ поръ и кормлю.

— Что же онъ одинокій?

— Нѣтъ, старуха есть, тоже слѣпая, живетъ за нашимъ озеромъ въ другой юртѣ.

И мнѣ вдругъ жаль стало этого старика, и я подсѣлъ къ нему и заговорилъ съ нимъ.

Здорово, дѣдушка, — крикнулъ я нарочно погромче, думая, что онъ глухой.

— Пайся, пайся, (здравствуй), — закивалъ обрадованный старикъ, заслышавъ вблизи себя незнакомаго человѣка.

— Что́ это ты, не видишь?

— Не вижу, не вижу, — забормоталъ скоро старикъ, и вдругъ, словно смутившись немного, повѣсилъ голову.

— Давно, дѣдушка?

— Давно, ужъ плохо помню...

Отчего же это съ тобой случилось?

— Отъ дыму, господинъ, отъ дыму!.. Весь вѣкъ мы со старухой жили въ дыму да въ грязи, весь лѣтъ у насъ глаза болѣли, вотъ дымомъ, должно быть, ихъ и выѣло...

И посмотрѣвъ на другихъ вогуловъ и, дѣйствительно, замѣтивъ, что и у тѣхъ блестятъ неестественно глаза отъ вѣчнаго дыма и копоти, и спросилъ:

— Откуда же у васъ столько дыма?

— Все отъ нашихъ чуваловъ (камичниковъ), они дымятъ больно, затопишь ихъ, разгорятся дрова, набѣжитъ съ бору вѣтеръ, заглянетъ въ нашу трубу—велика ли,—дымъ и пах-

пестъ прямо въ избу, такъ и сидимъ съ нимъ весь вѣкъ, глаза портимъ. Куда дѣнешься отъ дыму... Холодно въ нашей сторонѣ зимой и лѣтомъ, радъ будешь и дыму, чтобы не замерзнуть...

Мнѣ захотѣлось обласкать старика, и я спросилъ его: нюхаетъ онъ, или курить, зная хорошо, что табакъ, — любимое удовольствіе вогула.

Старикъ, оказалось, нюхалъ и былъ такъ радъ, что я ему подарилъ пачку нюхательнаго табаку, и даже вытащилъ откуда-то берестянную табакерку... Эта пачка табаку, кажется, окончательно подкупила добродушнаго старика, который такъ повеселѣлъ, словно встрѣтилъ кого родного.

Мнѣ предстояло прожить въ этомъ поселкѣ мѣсяца три; надо было устроиться сколько-нибудь сносно. Мнѣ предложили помѣститься въ лѣтней холодной избѣ во дворѣ, и я съ радостью согласился на это.

Черезъ часъ я уже расположился въ новомъ помѣщеніи, гдѣ были просторная комната и маленькія сѣни, въ которыхъ устроена была битая теплая печь. И когда вытопили эту избу, когда поставили кровать, когда повѣсилъ я на окна свои розовыя ситцевыя занавѣски, прикрылъ ея уродливыя голыя стѣны картами и фотографіями, то получилась такая квартирка, что я даже не мечталъ о чемъ-нибудь подобномъ въ такомъ дикомъ, глухомъ краѣ.

И даже выкинулъ флагъ надъ своей квартирой, что окончательно привело вогуловъ въ удивленіе и восторгъ; многие

прибѣгали ко мнѣ посмотрѣть и рѣшительно не узнавали своего лѣтняго неуютнаго помѣщенія.

Не пришелъ ко мнѣ въ тотъ день только дѣдушка, но зато онъ явился на утро и не одинъ, а со своими внучатами, которые и привели его къ моей квартирѣ. Наканунѣ, этихъ внучатъ я не замѣтилъ. Они, вѣроятно, прятались отъ меня подъ лавку.

Это были лѣтъ пяти мальчикъ и лѣтъ двухъ дѣвочка, оба черные, какъ негры, отъ грязи, оба жалкіе, какъ дикіе лѣсные звѣрки, и оба въ такихъ рубищахъ, что страшно было смотрѣть, кажется, и привычному ко всему человѣку. Бѣдность, ужасная бѣдность какъ-то особенно ярко взглянула на меня,—и я узналъ ее и невольно содрогнулся... И я чуть, не заплакалъ при видѣ этихъ бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ не было даже рубашки, чтобы прикрыть свое тѣло, на нихъ были только лоскуты. И какъ они прошли снѣжнымъ дворомъ, какъ привели въ это морозное утро своего дѣдушку, я рѣшительно недоумѣвалъ.

Я пригласилъ ихъ въ комнату. Они робко вошли, прижимаясь къ стѣнкѣ. Я попросилъ ихъ сѣсть. И слѣпой дѣдъ, словно прислушиваясь къ обстановкѣ моей квартиры, оцунью опустился прямо на полъ, усадивъ тутъ же и своихъ несчастныхъ внучатъ, которые, какъ звѣрки, оглядывали каждый уголокъ.

— Откуда это у тебя, дѣдушка, дѣти?

— Внуки мои. Тоже, какъ я, сироты... пожалуй, есть отецъ, да безпутный, не кормить... Живутъ у меня больше подъ лавкою, вмѣстѣ возимъ съ овера хозяевамъ воду.

— Какъ же возите вы, вѣдь, они почти безъ рубашекъ?

— Чтò сдѣлаешь? Гдѣ возьмешь, когда нѣту?

И старикъ, словно желая убѣдиться, что на его впускахъ, обнявъ ихъ тихонько рукою и сталъ общупывать полуголеньки тощія плечики.

— Гдѣ же ихъ отецъ, и почему онъ ихъ бросилъ?

— Тутъ же живетъ, за нами. Только больной онъ...

— Что съ нимъ такое?

— Болѣзнь какая-то, не знаю. Кости болятъ, въ лѣсъ пойдетъ, звѣрь отъ него бѣжитъ, птица прочь летитъ; сѣтку на рыбу поставитъ, рыба ее боится, такъ и живетъ виноголодь и отъ ребятъ ужъ отступилъ. Вотъ я ихъ и прибралъ къ себѣ, все же не бьетъ ихъ всякій...

— Развѣ бьютъ ихъ?

— Какъ не бьютъ, когда подъ руку подвернутся? Всякій бьетъ, и маленькій, и большой: кто любитъ такихъ-то?

Въ этотъ разъ мы такъ и не разговорились ни о чемъ другомъ со слѣпымъ старикомъ. И, угостивъ дѣтей кренделями, которые они съ жадностью начали тутъ же грызть, словно боясь, чтобы ихъ у нихъ не отняли другіе, угостивъ старика рюмочкой водки, скоро отпустилъ ихъ, надѣливъ своими розовыми ситцевыми запаваѣсками, чтобы хотя къ празднику прикрыть ихъ бѣдное тѣло.

Старикъ ушелъ отъ меня, неся эти занавѣски, сопровождаемый дѣтьми, которыя вели его за палку, что-то по своему говорили ему, когда онъ наткнулся на дверь, или не рѣшался двинуться впередъ и останавливался.

Когда я заглянулъ черезъ часть, проходя по двору, печаянно въ избу моихъ хозяевъ, то увидалъ неожиданно слѣдующую сцену. Посреди избы стояла совсѣмъ голая дѣвочка-спиротка, у ногъ ея тутъ же на полу сидѣлъ слѣпой старикъ

и двѣ взрослыхъ уже дѣвушки, дочери хозяйки, озабоченно кроили пожесть мои занавѣски, разостлавъ ихъ на грязномъ полу.

Я спросилъ ихъ, что они дѣлають, — дѣвушки смущенно отвѣтили мнѣ, что кроють дѣвочкѣ платье. Вскорѣ это платье было наполовину спито оленьими жилами, и онѣ прихвѣряли его на тощее тѣло дѣтей.

На другой день, такъ же рано утромъ, дѣдушка Савва явился ко мнѣ въ сопровожденіи своихъ внучатъ, которыхъ я едва узналъ.

Дѣти были уморительно смѣшны въ моихъ розовыхъ съ цвѣтами запавѣскахъ; дѣвочкѣ пожалуй это еще подходило; но мальчикъ рѣшительно походилъ болѣе на акробата, чѣмъ на обыкновеннаго мальчика въ рубашкѣ.

Но малютки были равнодушны къ такому превращенію, и, повидимому, такъ же спокойно относились къ этому паряду, какъ и ранѣе къ своимъ рубищамъ. Но дѣдъ былъ странно доволенъ и все прижималъ ихъ, сидя на полу, одною рукою, съ удовольствіемъ и наслажденіемъ поглаживая ихъ по спинамъ старческой рукою.

Съ тѣхъ поръ эти друзья мои стали самыми обычными моими посѣтителями, съ которыми я съ удовольствіемъ дѣлилъ почти все свое время.

* *
*

Савва былъ рѣдкій старикъ; онъ зналъ страну, какъ свои пять пальцевъ, его жизнь была истинною лѣтописью, его рассказы захватывали своей простотой и задушевностью. И я каждый день, сидя передъ нимъ у своего треногаго столика,

тихонько записывалъ страницу за страницей своего дневника, пополняя его такими неожиданными свѣдѣніями, которые меня поражали.

Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ онъ росъ, воспитывался въ этомъ лѣсу, учился; онъ рассказывалъ, какъ воспитатель, заставилъ полюбить его этотъ лѣсъ; онъ рассказывалъ, какъ хорошо, свѣтло было его дѣтство и отрочество, и картины его юности были какъ живы и оригинальны, что, слушая его, я жалѣлъ, что мы совсѣмъ не знаемъ этого.

Это была кака-то поэзія его лѣсовъ и этого тихаго, задумчиваго озера; это было какое-то особенное, извѣстное только одному дикарю счастье. И среди этой школы природы онъ невольно какъ-то научился пѣть, и его пѣсни весны его жизни онъ помнитъ еще до сихъ поръ, хотя уже давно ему стали забываться голосъ и память.

И слѣпой старикъ, сидя на полу со своими внучатами, часто пѣлъ ихъ мнѣ, переводя скороговоркой, пѣлъ подъ аккомпаниментъ своего „лебедя“, какъ называютъ вогулы свои гусли.

Съ этими гуслями, сдѣланными имъ еще въ молодости, старикъ не разставался.

И нужно было видѣть этого старика на полу моей комнаты, нужно было слышать его музыку и пѣніе, чтобы хотя немного заглянуть въ его душу. Въ эти минуты онъ перерождался, жилъ исключительно прошлою свѣтлою жизнью, и ему снова хотѣлось странно жить, передъ нимъ снова, какъ живые, вставали—и его бѣдная юрточка на берегу залива, и зеленый, вѣчно шумящій лѣсъ, вся его таинственность, вся его прелесть...

Но въ то время, когда у старика бѣжали слезы отъ дорогихъ ему воспоминаній, когда онъ захлебывался и пѣлъ, и звенѣлъ, его внуки были ко всему этому равнодушными, онъ не могъ пробудить въ нихъ жизни.

Ихъ не коснулась еще живая природа.

Они пробудились только разъ на моихъ глазахъ въ Пасху, когда я пригласилъ ихъ со слѣпымъ дѣдушкой Саввой показывать мнѣ обѣщанное представленіе, своего рода пьесу, пантомиму вогуловъ.

* *
*

На это представленіе собралась въ моей комнатѣ почти вся публика Оропъ-туръ-пауля.

Я очень былъ радъ такому необыкновенному сборищу вогуловъ, моихъ сосѣдей, отчасти потому, что это былъ случай посмотрѣть ихъ всѣхъ разомъ, отчасти потому, что мнѣ было скучно. Такіе праздники, какъ Пасха, тяжело встрѣчать одному въ чужомъ, незнакомомъ краѣ, когда въ душу невольно закрадывается какая-то грусть, и поднимаются дѣтскія воспоминанія, которыя болѣе всего живучи въ человѣкѣ.

У меня собрались вогулы, настоящіе лѣсные дикіе жители Сибири, въ оленьихъ костюмахъ съ косами и растрепанными волосами, съ темными, обвѣтрившимися лицами и любопытными, маленькими, черными глазами, съ выдающимися скулами, въ тѣхъ самыхъ одеждахъ, въ которыхъ они охотятся, и только одѣтъ женщины немного какъ-будто принарядились, надѣвъ на себя ситцевыя платья и опоясавшись любимыми красными кушаками. И вся эта публика, съ сопро-

воздавшими ихъ ребятишками, скромно усѣлась или встала кругомъ моихъ стѣтъ, въ ожиданіи того, что будетъ.

Они пришли поздравить меня съ праздникомъ. Нѣкоторые изъ нихъ христіане и тоже сегодня вмѣстѣ со мной праздновали Пасху; но большинство равнодушны, хотя уже чествуютъ этотъ праздникъ и удержались идти на охоту.

Въ такіе большіе праздники у нихъ грѣхъ бить звѣря и птицу.

Сначала я предложилъ имъ угощеніе:—высыпалъ на столъ кучу крекделей и бѣлаго хлѣба, потомъ мужчинамъ было подано по рюмочкѣ, и мало-по-малу между ними завязался непринужденный разговоръ, и интересъ скоро сошелъ на охоту. Особеннымъ рассказчикомъ оказался среди нихъ молодой, стройный, смуглый вогулъ, родственникъ старика Саввы, который, казалось, только и думалъ объ охотѣ. Онъ сталъ рассказывать что-то про охоту на бобровъ, на оленей, какъ вдругъ слушавшій его старикъ словно вналь въ какое-то вдохновеніе и тронулъ свои мѣдныя струны.

Сначала это не произвело, повидимому, никакого впечатлѣнія,—старикъ словно только еще пробовалъ свой инструментъ, беря знакомые аккорды, но вотъ изъ-подъ его руки что-то стало выходить уже стройное опредѣленное, какъ мотивъ, вотъ еще и еще послышались захватывающіе любопытство звуки, онъ всхрипнулъ, взялся побойтѣе за струны, наклонилъ ниже голову, и всѣ невольно заслушались и засмотрѣлись на него.

Скоро затихли и послѣдніе голоса разговаривавшихъ, старикъ заладѣлъ всѣмъ, и въ комнатѣ полились аккорды за аккордами, звуки, мелодіи и пѣсня, и старикъ запѣлъ какую-

то старинную былинну, прерывая ее словами разсказа, поясняя этимъ то, что онъ не можетъ высказать ни музыкой, ни своей отрывистой пѣсней.

Я спросилъ, чтб онъ поетъ, и мнѣ шопотомъ передали на ухо, что онъ поетъ старинную былинну, какъ прежде жили вогулы. Я не понималъ ни одного слова, но мнѣ ясно было, что старикъ пѣлъ о милой свободѣ, мнѣ ясно было, что онъ пѣлъ о прошломъ времени, и, глядя на лица дикарей, я сразу понялъ, въ чемъ дѣло, потому что всѣ сразу какъ-то задумались и поникли головами, только порою взглядывал, словно умоляя старика не надрывать ихъ души.

Нѣвецъ задѣлъ ихъ за самое больное мѣсто, онъ напомнилъ имъ, какъ измѣнилась ихъ жизнь когда-то привольная, богатая звѣремъ и птицей, жизнь, которая уже не воротится.

Но эта пѣсня была коротка: старикъ оборвалъ ее, и вогулы какъ-то глубоко, тяжело вздохнули, провожая мысленно далекое прошлое.

Послѣ пѣсни старика заигралъ его родственникъ, молодой вогуль.

Онъ игралъ уже чтб-то веселое, и лица вогуль сразу прояснились и засмѣялись, и на сцену сразу выскочило нѣсколько молодыхъ людей и дѣвушекъ, которые пустились въ пляску.

Они танцовали свой излюбленный танецъ лѣсовъ, изображали звѣря, рыбу и птицу, взмахивали руками, какъ бы хотѣли улетѣть, вскрикивали, какъ испуганная птица, ворѣлись, присѣдали. Надо было видѣть ихъ, знать хорошо ихъ природу, чтобы понять, кого они представляютъ въ этихъ танцахъ.

Порою, когда кто-нибудь особенно вскрикивалъ, дѣлалъ особенно удачное движеніе,—пробѣгалъ ропотъ удовольствія, ему восторженно хлопали въ ладоши и хвалили, и довольный танцоръ прятался въ толпу, уступая мѣсто другому.

Въ какіе-нибудь полчаса всѣ молодые люди показали свои таланты. Музыка затихла подѣ шумныя требованія представленія, которое обѣщаль старикъ Савва.

Савва довольный улыбался, но не начиналъ, возясь съ струнами своего лебедя. Этотъ лебедь сегодня былъ украшенъ красными ленточками, которыя ему навязали дѣвушки-вогулки, и глядѣлъ особенно какъ-то весело, какъ глядѣлъ сегодня самъ старикъ Савва, какъ глядѣли сегодня даже и его внуки. Умытые, въ моихъ розовыхъ занавѣскахъ, улыбающіеся, они сегодня совсѣмъ не походили на забитыхъ и смѣло жались къ чужимъ матерямъ, смѣло заглядывали всѣмъ въ лица, словно ища общаго къ нимъ вниманія и ласки.

Но вотъ старикъ Савва отдаетъ распоряженіе, что можно начать представленіе:

Это вызвало общій восторгъ и говоръ. Дѣти, молодые люди пришли въ оживленіе,—кто бросился вонъ изъ избы, получить роль оленя; кто бросился за поисками костюмовъ; роли были розданы общими голосами, и въ сѣняхъ пошла такая толкотня межъ одѣвающимися, словно предстоялъ настоящій маскарадъ:

Роль охотника досталась на долю молодого вогула музыканта. Ему живо достали лукъ и кочанъ, онъ облачился въ одѣжду настоящаго охотника, и черезъ полчаса самыхъ шумныхъ сборовъ все было готово, и комнату полуочистили для предстоящей сцены.

Кто могъ изъ зрителей, помѣстился на печь, около стѣны и окна, кто не могъ занять выгоднаго помѣщенія, сѣлъ на полу, подобравъ возможно ближе ноги, дѣти усѣлись на плечи болшихъ и свѣсили оттуда свои голыя ноги, и публика замерла въ ожиданіи одѣтыхъ актеровъ, костюмы которыхъ уже за дверями приводили въ восторгъ одѣвающихъ и исполняющихъ роль добровольныхъ режиссеровъ.

Старикъ взялся за „лебедя“, заигралъ прелюдію, въ комнату вошелъ молодой охотникъ. На немъ лукъ съ тетивой, колчанъ съ острыми настоящими стрѣлами, на немъ лыжи, легкіе охотничьи чулки, ножъ и принадлежности охоты. И красивое, смуглое, оживленное лицо, развѣвающиеся волосы, каждое движеніе—все говорило объ отвагѣ. На его костюмѣ—даже слѣды запекшейся старой крови; за его поясомъ даже свѣжеободранная шкурка лисы...

Его встрѣтили ропотомъ удовольствія, но онъ ничего и никого уже не замѣчалъ: онъ въ лѣсу, одинъ на охотѣ, его лицо носить слѣды какой-то заботы и вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевленія, и онъ весь отдается этому окружающему его лѣсу, который уже захватилъ его душу своей таинственностью, который уже давить, гнететъ его своей тишиной. Онъ не говорить, но вы видите, что онъ крадется осторожно, отводя вѣтви; онъ не говорить, но вы видите, что онъ переживаетъ въ сердцѣ, и вы словно идете вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсу, слѣдите за всѣми его движеніями, которыя вамъ говорятъ сами тысячу мелкихъ вещей, какъ словно бы вы сами шли на его мѣстѣ по лѣсу, видя передъ собой дикую чащу поемнаго сѣвернаго лѣса.

Эта картина была чудесна, она сразу захватила наше вни-

маніе, и старикъ-музыкантъ придавъ ей музыкой еще большее впечатлѣніе.

Актеръ съ лукомъ въ рукахъ обходитъ нѣсколько разъ сцену не обращая на насъ ровно никакого вниманія, какъ будто онъ на самомъ дѣлѣ въ лѣсу; ему тѣсно, ему некуда просунуть лыжи; но это ему не мѣшаетъ, онъ скользитъ на нихъ почти на одномъ мѣстѣ и покачивается, заглядываетъ между стволовъ и снова пускается заботливо въ бѣгство. Но вотъ онъ словно зацѣпился за что,—наклоняется и поднимаетъ что-то съ земли.

По комнатѣ пробѣгаетъ шопотъ. Вогулы поясняютъ, что онъ нашелъ слѣдъ и теперь опредѣляетъ его свѣжесть. Онъ оживаетъ. Онъ нашелъ то, что искалъ, что ему нужно, и онъ обводитъ насъ такимъ взглядомъ, который безъ словъ говорить о счастья охотника.

Музыка продолжается. Охотникъ бѣжитъ по слѣду. Онъ слѣдитъ по самымъ ничтожнѣйшимъ признакамъ: по обломленной на сучкѣ вѣткѣ, по сбитой корѣ, по сломленной быллинкѣ и, рѣшивъ, что звѣрь ужь недалеко, живо скидываетъ свой дорожный костюмъ, поправляетъ одежду и беретъ крѣпче лукъ въ руки. Теперь его движенія страстны, смѣлы и быстры, онъ ужь не видитъ лѣса, не чувствуетъ его тишины, теперь онъ — весь движеніе, и мы только видимъ, какъ онъ мелькаетъ, бѣжитъ и прячется за стволами, прыгаетъ и припадаетъ, высматривая, далеко ли добыча, готовый пустить въ нее острую стрѣлу. Вдругъ онъ останавливается и замираетъ на мѣстѣ, прячется за ближній стволъ и падаетъ почти на спягъ.

Публика замерла.

Кто-то говоритъ, вскрикиваетъ, что охотникъ нашелъ звѣря.

Дѣйствительно, это правда: въ комнату вбѣгаетъ пара оленей въ вывороченныхъ оленьихъ шубахъ.

Это пара новыхъ молодыхъ актеровъ. Они уморительны на четверенькахъ съ привязанными оленьими рогами, они смѣшны въ роли звѣря. Но они дѣлаютъ видъ, что пасутся, не замѣчая еще вблизи охотника, который припалъ за стволомъ ближайшаго дерева и лежитъ, словно не дышитъ. Одинъ изъ нихъ мать-самка, другой молодой олень, у котораго на головѣ маленькія, черныя еще въ пуху рожки... Мать выбиваетъ изъ-подъ снѣга мохъ, сынъ ея протягиваетъ къ нему голову, она его трогательно кормитъ, и когда онъ жуесть, она чутко прислушивается и поводитъ носомъ, словно чувствуя вблизи опасность.

Музыка чуть-чуть наигрываетъ какой-то грустный мотивъ, словно ропотъ пробѣгающаго вѣтра по вершинамъ. Зрители замерли и ждутъ, жалѣя бѣдныхъ оленей.

Олени безпечны, не видятъ опасности и спокойно бродятъ около самаго охотника, который все еще лежитъ за стволомъ дерева, готовый пустить, однако, не пускаетъ почему-то стрѣлу.

Зрители говорятъ, что его положеніе невыгодно, другъ друга увѣряютъ, что на него вѣетъ вѣтеръ, который можетъ его выдать.

Чувствуется драматическій важный моментъ.

Охотникъ медлитъ, безпечный дѣтепышъ разыгрывается, сопровождая свои движенія смѣшными прыжками около матери, и при взглядѣ на нихъ и смѣшно, и жалко.

Но вотъ что-то словно треснуло, стукнуло въ сторону лѣса; олени сразу дѣлаются внимательными и, словно слыша

опасность, отходить въ сторону и уходить совсѣмъ со сцены.

Охотникъ поднимается и озабоченно отираетъ потъ съ лица. Въ его движеніяхъ какая-то неувѣренность, онъ омядывается, словно кто ему мѣшаетъ.

Музыка наигрываетъ грустные мелодіи.

Волулы говорятъ, что охотника преслѣдуютъ завистливыя боги. Онъ, дѣйствительно, къ чему-то прислушивается и, словно рѣшившись, снова начинаетъ скользить и подкрадываться осторожно, разнимая каждую вѣтку.

На сцену снова выбѣгаетъ олень, скоро за нимъ выбѣгаетъ пара маленькихъ, въ которыхъ я узнаю внучатъ дѣда. На ихъ рубашки натянуты шкурки маленькихъ, ободранныхъ лосей, которые могутъ сойти сегодня за шкурки оленей. Они смѣшны, но серьезны, и мальчикъ преуморительно подскакиваетъ на мѣстѣ, взягивая ногами, еще, видимо, не зная, какъ себя ведетъ на самомъ дѣлѣ дикое животное. На это мало обращается вниманія. Ихъ замѣтилъ уже охотникъ. Онъ снова прячется за деревья и подкрадывается. Теперь онъ намѣтилъ себѣ жертву—маленькаго мальчика, который ближе, и который совсѣмъ глупъ. Охотникъ тихонько, не сводя глазъ, вытягиваетъ уже изъ колчана стрѣлу, онъ осматриваетъ ея остріе, оно остро, какъ ножъ.

Публика ахаетъ и замираетъ. Даже слѣпой музыкантъ и тотъ останавливается, прислушивался, что будетъ.

Охотникъ крадется, крадется и уже поднимаетъ лукъ. Глупый дѣтенышъ словно ужъ предчувствуетъ что-то грустное и тоже замираетъ.

Что-то тревожное пробѣгаетъ по лицамъ зрителей, слышатся вздохъ, жалость за маленькаго оленя.

Еще моментъ, и тетива натянута, стрѣла на мѣстѣ, готова разрѣзать воздухъ, вонзиться... Еще моментъ, и охотникъ прицѣливается прямо въ спину...

Вдругъ въ комнатѣ со стороны раздается трескъ, щебетъ маленькой птички, настолько неожиданный, настолько знакомый, что словно въ комнату только-что впорхнула сѣверная жительница этихъ лѣсовъ, такъ что невольно почувствовалась дрожь, какъ дрожить человѣкъ въ лѣсу, слышащій щебетъ, тревогу этой птички, которая словно васъ преслѣдуетъ, защищая вашу жертву.

Я взглянулъ на зрителей, отыскивалъ, кто такъ удачно изображаетъ эту знакомую птичку, и сразу догадался, что это продѣлываетъ все тотъ же нашъ музыкантъ-старикъ Савва, приложивъ руку къ губамъ, такъ ловко чирикаетъ, поднимая настоящую лѣсную тревогу. И по лицу его, потному, добродушному, скользить удовольствіе...

Стрѣлокъ вздрагиваетъ отъ неожиданности и опускаетъ лукъ. Олени тревожно подняли головы и на секунду застыли, прислушиваясь къ голосу все продолжавшей трещать птички. Убѣдившись, что имъ грозитъ опасность, вдругъ закинули головы, какъ настоящіе олени, заскакали по полу и скрылись въ сосѣднюю комнату, показавъ намъ на секунду только свои голыя пятки.

Зрители зашумѣли, заговорили, словно обрадовавшись такому обороту дѣла; имъ жаль было отъ души бѣдныхъ оленей, и всѣ съ любопытствомъ, съ насмѣшкой смотрѣли теперь на стрѣлка, который вдругъ поникъ головой и задумался, за что его преслѣдуютъ боги, которые покровительствуютъ звѣрямъ, когда ихъ хочетъ обидѣть звѣрь или человѣкъ.

Птичка замолкла, и слѣпой старикъ Савва снова заигралъ на своемъ инструментѣ какую-то вогульскую грустную мелодію, прерывая ее шумными аккордами лѣсной бури. И подъ вліяніемъ его музыки какъ будто, дѣйствительно, стало темнѣе въ лѣсу, на него надвигалась буря, и охотникъ невольно сталъ боязливо оглядываться по сторонамъ.

Вдругъ онъ о чемъ-то вспомнилъ, измѣнился въ лицѣ и, быстро вырвавъ изъ груди клочокъ шерсти и ниточку красного гаруса, перевязалъ его и повѣсилъ на ближайшую стѣпу.

— „Жертву, жертву приносить“, — шептали вогулы, и музыка снова стала какъ-то замирать, и старикъ снова заигралъ веселые мотивы.

Буря пронеслась; боги умилились; вѣтеръ измѣнился. Въ охотникѣ снова пробудилась прежняя увѣренность въ удачу, и онъ, попробовавъ, откуда дуетъ вѣтеръ, подбросивъ на воздухъ горсть снѣга, снова устремляется на преслѣдованіе бѣдныхъ звѣрей, увѣренный уже, что ему на этотъ разъ не помѣшаютъ боги...

Въ публикѣ снова—ожиданіе и тревога, въ музыкѣ снова—тихія мелодіи.

Вонъ звѣри на лужайкѣ. Теперь ихъ три,—двѣ большихъ и одинъ маленькій, даже безъ рожекъ; они мирно пасутся тутъ, не замѣчая охотника, который сразу, завидѣвъ ихъ, упалъ на полъ и ползетъ. Онъ увѣренно разгибаетъ вѣтки по своему пути и увѣренно поглядываетъ.

Въ комнатѣ наступаетъ мертвая тишина,—замолкли даже мѣдныя струны дѣда...

Но вдругъ что-то хрустнуло опять на полу, хрустнуло такъ, какъ только могутъ хрустѣть въ лѣсу старыя вѣтки.

Олени насторожились, у охотника страдальческое лицо, но моментъ ужъ пропущенъ, олени снова услышали охотника и бѣгутъ прочь, уходя отъ стрѣлы. Но вотъ у охотника мелькнула какая-то радостная мысль, и онъ побѣжалъ, гонится по слѣду.

Волгулы говорятъ, что онъ догонитъ, непременно догонитъ дѣтеныша, потому что силъ слабъ, и ему не убѣжать далеко.

И, дѣйствительно, олени какъ будто стали приставать, дѣтенышъ держитъ ихъ, матери не хочется оставить, и она мучительно подталкиваетъ его грудью, мучительно зоветъ его, когда онъ останавливается, шатается ужъ отъ усталости. Наконецъ, олени встали, и мать съ тоскою смотритъ въ сторону охотника, въ то время, какъ дѣтенышъ прижался къ ея боку и лежитъ, повѣсивъ голову.

Проходятъ нѣсколько томительныхъ минутъ, въ которыхъ охотникъ крадется къ оленямъ, когда онъ выпимаетъ стрѣлу. Она остра,—мы видимъ потому, какъ онъ ею доволенъ, на ея концѣ блеститъ острое, какъ ножъ, желѣзо. Тяжелый моментъ, когда онъ мучительно долго прицѣливается въ дрожащихъ оленей, потомъ публика вдругъ ахаетъ, и молодой олень падаетъ на землю, и стрѣла уже въ его боку, изъ раны уже льется алая кровь на полъ... Мать вздрагиваетъ и отбѣгаетъ, но ей жалъ дѣтеныша; она зоветъ его и дрожитъ, не смѣя тронуться съ мѣста... Она облизываетъ его рану... Но вотъ еще прицѣлъ, еще стрѣла, и мать падаетъ съ нимъ рядомъ, и ея вѣтвистые рога безпомощно бьются о землю.

Спасается только одинъ олень, который, какъ вихрь, уносится въ сосѣднюю комнатку, запнувшись и падая къ удовольствію зрителей, тутъ за порогомъ...

Публика смѣется, но у нея на глазахъ слезы: ей жаль отъ души эту мать и ея бѣднаго маленькаго дѣтеныша. Публика смѣется, но она сердита на этого охотника, который разстроилъ минутное счастье звѣря.

Но охотникъ въ восторгѣ, онъ машетъ руками, онъ радъ и бросается къ звѣрямъ и ужъ вынимаетъ ножъ изъ ноженъ, ощупываетъ ихъ, готовится снимать съ нихъ шкуры, чтобы скорѣе полакомиться свѣжей кровью и мясомъ, какъ представление сразу замираетъ, закапчивается безъ занавѣса, безъ аплодисментовъ, и обрывается на страшномъ моментѣ.

Актеры поднимаются въ выпороченныхъ шубахъ съ пола, снимаютъ рога, и передъ нами снова

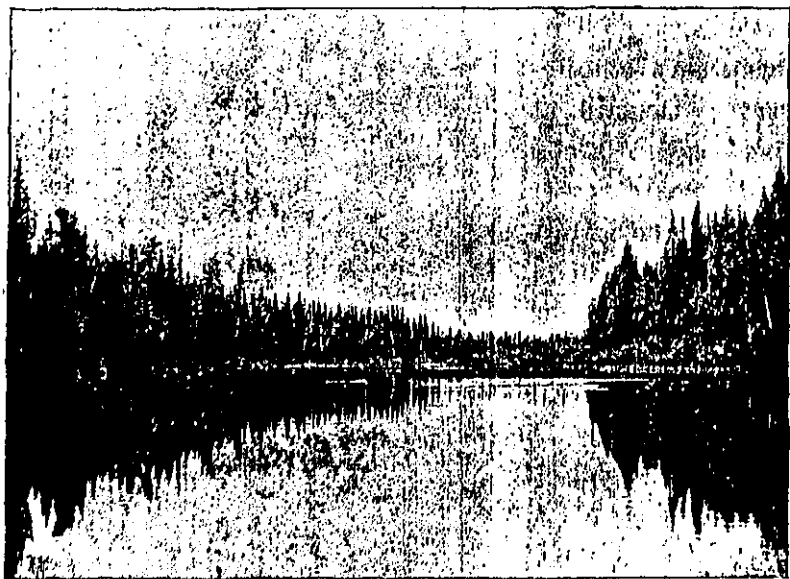
наша компанія съ вогулами, которые шумно разсуждаютъ объ успѣхахъ сцены, тогда какъ старикъ продолжаетъ шумно, весело что-то наигрывать; словно такъ же, какъ у насъ въ театрѣ, проложая публику прощальнымъ маршемъ

Вогуль-охотникъ.

Такъ закончилось это представленіе охоты на оленей, съ участіемъ дѣда Саввы, какъ музыканта, и его бѣдныхъ вну-чатъ, которымъ, кажется, въ первый разъ еще пришлось играть роль въ своемъ обществѣ, въ своихъ юртахъ.

Они были страшно довольны и; помню, цѣлый день оста-вались въ моей комнатѣ, вспоминая игру въ оленя, и такъ

Озеро-Оронъ-туръ.

увлеклись ей, такъ чувствовали себя хорошо, что даже рас-румянились, блестя веселыми глазами.

Но это единственное, свѣтлое время ихъ въ жизни: боль-ше уже не удавалось дѣлать представлений; началась весна, и съ нею прилетѣли птицы,—всѣхъ потянуло въ лѣса и на просторъ водъ,—всѣхъ потянуло невольно какъ-то изъ ком-

наты на свободу. И я уже почти не бывалъ въ юртахъ, охотясь по лѣсамъ и плавая въ маленькой лодочкѣ по разливамъ рѣчекъ. Я только охотился, писалъ, фотографировалъ, чертилъ.

Лѣтомъ юрты почти опустѣли: мужчины были почти поголовно въ лѣсу и на озерѣ, гдѣ ловили рыбу; дѣти тоже возились съ силовками и приманками, свывая по берегамъ

Старикъ Савва и его внуки.

селезней, и въ юртахъ только оставался одинъ сѣдой дѣдушка Савва со своими бѣдными внучатами, которые тоже рвались отъ него къ озеру, къ лѣсу. Единственной его спутницей теперь была его слѣпая старушка, которая порой выводила его на берегъ родного озера, гдѣ они долго задумчиво молча сидѣли, вѣроятно, прислушиваясь къ тѣмъ волнамъ,

которыя когда-то говорили и имъ о другой, болѣе живой, дѣятельной жизни.

Но когда изрѣдка я возвращался въ юрты съ экскурсій, старикъ почти безвыходно бывалъ у меня со своими внуками и старухой, и я, помню, много еще разъ заставлялъ его пѣть мнѣ былины и рассказывать про старое доброе время, какъ они жили. И старикъ снова оживалъ, вспоминая до мелочей прошлое своей жизни, передавая мнѣ тысячи разныхъ вещей, которыхъ никогда, кажется, уже не узнать, не увидѣть никакому путешественнику въ жизни.

Онъ пѣлъ мнѣ про своихъ боговъ, которые стоятъ въ лѣсу въ видѣ идоловъ, ожидая кровавыхъ жертвъ; онъ пѣлъ про звѣрей и про страшныхъ бурыхъ медвѣдей; онъ пѣлъ про бѣлочку и шустрого бобра; онъ пѣлъ про птицъ, про разныхъ насекомыхъ, и всюду, о чемъ пѣлъ онъ, поражалъ меня такою наблюдательностью, такою любовью къ природѣ, какой могъ бы позавидовать всякій натуралистъ. И я удивлялся этому, я больше и больше узнавалъ, что можетъ дать природа человѣку, и этотъ темный лѣсъ, это свѣтлое, съ виду пустынное озеро, эти дебри, развалы горъ обрисовывались передо мной въ такой чарующей, незнакомой мнѣ еще обстановкѣ, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на стараго слѣпного дѣда, думая, сколько онъ пережилъ слѣптыхъ минутъ въ своей, намъ казавшейся безпросвѣтной, темной жизни.

Но какъ ни радовался я его счастью, какъ ни радовался я тому, что онъ испыталъ и пережилъ, — мнѣ до глубины души было жалъ его маленькихъ внучатъ, которые спали еще передъ этой таинственной природой, они не знали ея, лишеныя матери и отца.

Имъ некому было сдѣлать ни дѣтскаго лука, ни сѣтки, ихъ некому было взять съ собой въ лѣсъ или въ легкую долбленую лодочку, и я увидѣлъ, съ какой завистью смотрѣли эти дѣти на тѣхъ маленькихъ своихъ сверстниковъ, которые, неселые, ѣхали со своими отцами и матерями на лодкѣ ловить рыбу, которые, шумя, убѣгали вмѣстѣ съ отцомъ въ темный боръ по торной тропинкѣ.

И старый слѣпой дѣдъ сколько ни старался имъ вложить любовь въ душу, ровно, кажется, не имѣлъ успѣха и только удивлялся тому, какъ озлобились его внучата, какъ они забиты, испуганы.